

РУССКИЙ Крест

Александр ЛАПИН

СТРАСТЬ И БОМБА ЛАВРЕНТИЯ БЕРИИ

Александр Алексеевич Лапин
Страсть и бомба
Лаврентия Берии
Серия «Русский крест»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68346700

Страсть и бомба Лаврентия Берии. Философский документально-исторический роман: роман / Александр Лапин: Москва; 2022

ISBN 978-5-4484-3808-0

Аннотация

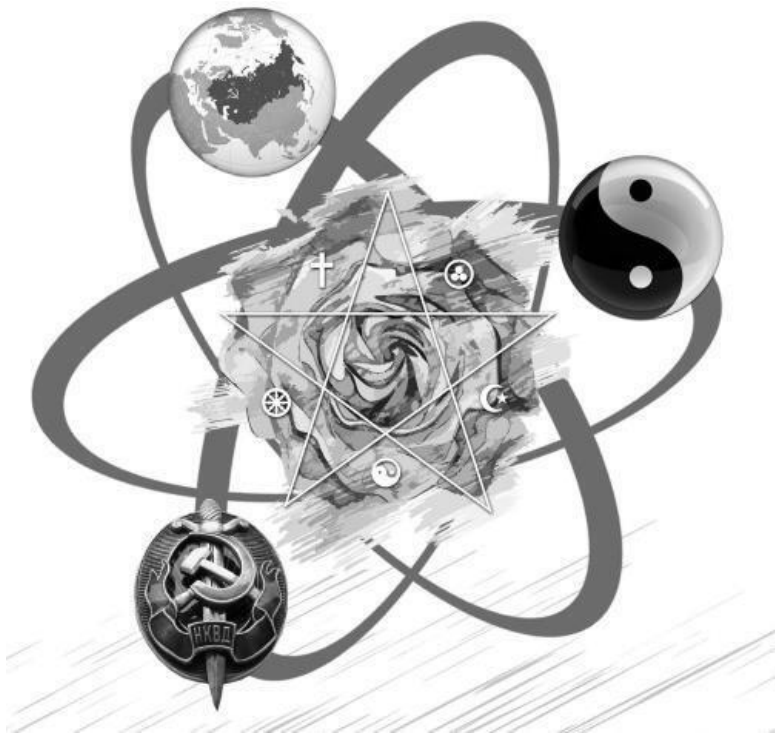
«Страсть и бомба Лаврентия Берии» – новая книга известного российского писателя Александра Лапина, автора уже завоевавших внимание отечественного читателя эпопеи «Русский крест», романов «Святые грешники» и «Крымский мост», а также трилогии «Книга живых». В центре произведения – одна из самых одиозных фигур в российской истории.

Чтобы найти ключи к загадкам противоречивой и страстной натуры своего героя, автор выбирает едва ли не самый актуальный в современной мировой литературе жанр философского документально-исторического романа. Через судьбу всемогущего наркома прослеживаются главные хитросплетения внешней и внутренней политики СССР, в частности советского атомного проекта. Роман затрагивает целый пласт злободневных проблем,

волнующих сегодня миллионы людей по всему миру, – от противостояния великих держав до сохранения человеческой цивилизации...

Содержание

Часть I	11
Необычный лама	12
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Александр Лапин
Страсть и бомба Лаврентия
Берии. Философский
документально-
исторический роман

© Лапин А.А., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

Друзья, перед вами моя новая книга – «Страсть и бомба Лаврентия Берии», задуманная еще пять лет назад. Когда на твоих глазах творится история, невозможно не думать о взаимосвязи настоящего и прошлого. Имя Лаврентия Берии в первую очередь связывают с массовыми репрессиями, забывая о том, что он курировал советский атомный проект, под защитой которого мы живем и сегодня. Именно наличие ядерного оружия дает России возможность отстаивать свои геополитические интересы и обеспечивать безопасность. Согласитесь, достаточное основание для пристального интереса к этой фигуре.

Однако я поставил перед собой еще одну задачу – взломать стереотипы, которыми она окружена. Мне как писателю всегда важна объективность в оценке того или иного исторического деятеля. В случае с Берией, прежде чем выносить вердикт, необходимо разобраться в подлинных мотивах его поступков и обстоятельствах, которыми они были продиктованы. А главное – проанализировать последствия принятых им решений в долгосрочной исторической перспективе.

В моих предыдущих книгах исторические события служили рамой для картины, нарисованной фантазией автора. На этот раз замысел требовал глубокого погружения в эпоху, архивных изысканий и тщательного отбора фактов, которые, не противореча подлинному развитию собы-

тий, позволили бы выстроить захватывающий сюжет. Но не одна только увлекательность повествования меня заботила. Мне хотелось, чтобы читатели получили возможность взглянуть на события, описанные в романе, с космической, вселенской точки зрения. Ведь мы живем в эпоху, когда решается дальнейшая судьба нашей цивилизации.

A handwritten signature in black ink on a light gray background. The signature is written in a cursive, flowing style. The first line reads "Валентин" (Valentin) and the second line reads "А. Лавренко" (A. Lavrenko).

Валентин
А. Лавренко

Часть I

Москва – Тибет

Необычный лама

I

Позабыв о времени, юный пророк стоял у невысокой ограды одного из сквериков, окружавших храм Христа Спасителя. Божий мир широко простирался перед ним во всей своей первозданной красоте. На закате солнца под голубыми небесами отливали золотом купола. Кругом раскинулись яблоневые сады.

Особую плотную вечернюю тишину оттенял чистый звон десятков церковных колоколов. Звон этот плыл над Москвою-рекою, над двориками и улочками Замоскворечья, проникал в каждый дом и каждое открытое оконце.

Вдруг позади Даниила раздался шорох крыльев. Он обернулся. И увидел в двух шагах от себя возникшего словно ниоткуда человека в блестящих белых одеждах с лучезарным иконописным ликом. Он молча смотрел на юношу голубыми, как небо, глазами.

– Не бойся! – послышался голос. – Я покажу тебе мир горний, высокий. Смотри...

И перед взором Даниила распахнулся небесный занавес. Он узрел над собою бушующий, ослепляющий, непостижимый мир. Картину, охватывающую всю историю России в ее

полном и нераздельном единстве прошлого, настоящего и будущего...

– Лети и смотри! – произнес ангел.

И, подхватив Даниила, словно ребенка, в одно мгновение вознес его за облака, туда, откуда вся планета Земля видна как маленький голубой, сияющий под солнцем шарик...

* * *

...Полет замедлился, и в густой черноте космоса юноша-пророк увидел нечто невообразимое. Созвездия и газовые туманности, слившиеся в гигантский, светящийся радужный цветок.

Лепестки его – галактики.

Они устремляются к центру одной из них, погружаются в клубящийся туман с красноватым оттенком. Мчатся в нем, подобно молниям в грозовом небе.

Туман постепенно рассеялся, и Даниил обнаружил, что находится внутри какой-то необъятно-гигантской сферы. В центре ее собралось огромное количество светлых образов – прозрачных и словно сотканных из светящейся материи.

Внутри этих сущностей горели, словно сердца, их монады – голубые, зеленые, алые – яркие, как маленькие солнца.

«Что это?» – мысленно спросил пророк. И ответ пришёл как будто из ниоткуда.

– Это мировая Сальватэрра! Центр Вселенной. Ее сердце!

Отсюда управляется эволюция земного человечества. Сейчас сюда, на высокую ступень иерархии планет, приглашены не только Владыки Кармы, Владыки мощи земной Вселенной, но и великие души. Приглядишься к ним. Здесь собраны светлые силы всех времен и народов. Узнаешь?

Юноша вглядывался, пытаясь сердцем понять, кто перед ним. Но увы и ах! Те, кто проявлял себя на планете в виде выдающихся личностей, теперь для него просто светящиеся огни.

Понимая, что пророк не может проникнуть в тайну светящихся аур, дэмон начал рассказывать о тех, кто периодически отрывается от огня Вселенной и, пролетев в пространстве между звездами и планетами, возвращается в мировую Сальватэру.

– Смотри и внимай! Вот эти две четко очерченные фигуры, несущие шарообразные массы с внутренним огнем, – Гильгамеш и его вечный спутник и друг Энкиду. Они трудятся, вкладывая в материю куски огня вечности и разнося их по Вселенной. А это Моисей! Первый из пророков, давший тогда еще дикому народу заповеди.

Даниил молча смотрел и внимал. А сотни новых сущностей подлетали и вливались в огненный шар.

– А вот приближаются к нам Владыки стихий и Братья мощи, – шептал голос. – Великие пророки древности Ману и Иезекииль. Рядом с ними тот, кто одарил всех своим светом. Тот, кого на Земле звали Христос.

Они снова увидели яркий, как звезды, свет.

– Это Будда! И Мухаммед!

Вот прибыли все звезды первой величины. За ними летят великие мыслители, писатели, поэты, создатели религиозных систем.

– Гляди! Это Толстой! – показал дэимон на мигающую точку. – А вот апостолы целой звездной цепочкой летят. Впереди Петр. О! Припоздал, припоздал!

«Кто припоздал?» – мысленно спросил Даниил лучезарного. «Фараон Эхнатон! – так же мысленно ответил тот и продекламировал стихи, которые когда-то сочинил в честь Бога солнца этот великий реформатор египетской религии: – Прекрасен твой восход на горизонте, о живой Атон, зачинатель жизни! Встают люди, омывают тело, воздевают руки, радуясь наступлению нового дня!...»

– Теперь прибывают те, кто прославился великими духовными подвигами на Земле, поднялся на небеса, но решил по собственной воле снова вернуться на Землю, чтобы способствовать духовному росту человечества, – продолжил дэимон.

– Это их в индийской традиции называют «бодхисаттвами»? – уже слегка освоившийся с новой формой общения спросил своего лучезарного спутника пророк.

– Да! Это они! Впереди ярко светящаяся монада, бывшая в последнем воплощении на Земле русским императором Александром Первым. Благословенным. Он достиг в жизни

всего, о чем может только мечтать обычный человек. Победил Наполеона. Создал Священный союз. Пытался построить для своего народа новую жизнь. Хотел освободить его от рабства. Но не сумел преодолеть сопротивление элиты и, покинув трон, предался духовной жизни. На небесах понял, что не выполнил свою миссию до конца. И хотя он по своим духовным качествам достиг просветления и мог бы остаться здесь, в мировой Сальватэрре, навечно, наслаждаясь небесным творчеством, но решил снова воплотиться на Земле, чтобы совершить высокую миссию.

– Какую?

– Ему предстоит основать новую религию, которая станет ступенью в развитии человечества... Это будет религия творчества.

– А это кто? – указал Даниил внутренним взором на маленькую, но нестерпимо яркую, брызжущую, как капля раскаленного металла, звездочку.

– О, заметил! Глаз-алмаз! Это Вестник. Он воплотится на Земле в тот момент, когда кончится страшное время одичания. Принесет на Землю весть о новом учении.

– А кем он был, этот будущий вестник, в прошлом воплощении?

– Жизнь его была коротка. И в новом воплощении ему предстоит наверстать, нажить опыт, который из-за рано прерванной жизни был упущен. Это царевич Алексей!

Пророк Даниил застыл, замолк. И долго вглядывался в эту

алую точку, в эту монаду, заключенную в светлую оболочку, но так и не набравшую нужного сияния и теперь готовящуюся к новому путешествию во времени и пространстве. Спросил:

– Он тоже пророк?!

– Пророк? Нет! Вестник! Ты будешь осуществлять свою миссию через образ своей жизни, проповедничество, религиозную философию, склонность к которой я вижу и сейчас. А он будет делать это через искусство, книги, через образы описанных в них людей.

– Он знает, когда придет его время?

– Нет! Он может прожить всю жизнь, как обычная личность, накапливая опыт и знания. Когда время придет, он услышит зов... Впрочем, мы заговорились. А я вижу, что прибывают все новые и новые души, которым предстоит сыграть немалую роль в будущем. Вот подлетает душа великого старца Сергия Радонежского. А рядом с ним яркая голубая монада. Его верный инок Пересвет.

– Тот самый, что пал на Куликовом поле?!

– Тот самый, – улыбнулся дaimон. – Ему тоже предстоит воплотиться в новом мире и пройти свой путь рядом с Вестником, поддерживая его и наработывая новые качества.

– А это что за прекрасный алмаз? – спросил Даниил, невольно зажмуриваясь от сияния, исходившего от еще одной души, медленно, словно вальсируя и кружась между звездами, подлетающей к месту сбора.

– О! – Даймон даже поднял глаза к темноте ночи. – Это была прекрасная женщина. Индийская принцесса Лакшми-Баи.

– И что? И она тоже вернется на Землю?

– Да! Она вернется, чтобы прожить жизнь рядом с Вестником, дать ему урок прекрасной и вечной любви. Они долго будут искать друг друга на этой Земле. Хотя начнут жизнь рядом... Но обо всех и не перескажешь.

– Смотри! Их все больше и больше. И откуда они летят? Кто они?

– Отовсюду! Многие летят с Земли, где пребывают в виде огней, непонятных явлений. Там они выполняют свою работу. Разносят огонь Вечности. Помещают его в грубую материю.

Действительно, пророк видел, как прозрачные, как бы сотканые из светящейся материи, чуть более ясно очерченные в эфирном теле лучезарные сущности мчатся к месту сбора в космосе со скоростью света...

Среди них была и душа степного хана Аблая, вождя восточного народа, который только-только начинает путь своего становления. И сущность северного шамана, застывшая в развитии... И дух колдуна...

Здесь собирались все, кто мог хоть как-то повлиять на будущее планеты. Перед ними должна выступить самая высшая сущность, богорожденная монада – наш Всепланетный Логос.

Они долго молча наблюдали этот огненный народ.

– А вот и последний опоздавший! – указал дaimон на рубиновую звезду, медленно поднимавшуюся в мировую Сальватэрру. – Это душа-звезда страдальца-страстотерпца последнего императора России... Посмертие его отягощено мыслями о том, что он сгубил не только себя, свою семью, но и свой народ, который ему Всепланетный Логос доверил вести...

* * *

– Слушай! – снова шепнул лучезарный.

И у Даниила не только в ушах, но и как бы во всем его существе зазвучала мелодичная и явно похожая на симфонию музыка. В ней он слышал даже не слова, а как будто мысли неземного происхождения...

С ним из глубин Вселенной говорил сам Всепланетный Логос.

«...Сотни миллионов лет мы видим эволюцию этой планеты, этой колыбели разума в пространстве космоса. Словно великие волны, одна за другою менялись эпохи. Эволюционировала Гeea, эволюционировала и жизнь на ней. Постепенно, шаг за шагом, прошли на Земле пять рас разумных существ.

Сейчас на Гее ждет своего духовного рождения шестая раса.

Но предыдущий опыт показал, что не все так просто с эволюцией. Она не идет прямолинейно. Бывает так, что, достигнув высшей точки развития, человек падает вниз – в варварство. Почему? Да потому, что эволюции мешает работающая на планете иерархия тьмы, возглавляемая Гагтунгром. У него другие цели и задачи. Главное для него – получать гаввах, энергию страданий живых существ. Напитываться им. И в конечном итоге привести планету к взрыву, который даст Гагтунгру энергию для того, чтобы захватить сердце Вселенной и властвовать в ней вечно.

Мы помним судьбу третьей расы человечества – лемурийцев. Она была самой высокоразвитой и не похожей ни на кого. Ни физически, ни умственно.

Лемурийцы обладали невероятной магической силой. У них была необычайно развита связь с космосом. «Третий глаз» давал им возможность получать информацию напрямую из космического разума.

Они обустроили Гею. И что же? На смену им пришла раса атлантов. Они растеряли все, что накопили лемурийцы. Четвертая раса предалась роскоши, полюбила удовольствия. Начала вести бессмысленные войны. В результате они и себя погубили, и отбросили в развитии всю цивилизацию.

Мировая Сальватэрра, Высший Разум, счел цивилизацию атлантов ненужной и опасной для развития и эволюции планеты.

Атлантида была обречена и погибла от воды и огня.

Мы собрались здесь для того, чтобы принять решения, касающиеся пятой расы человечества, обитающей ныне на Гее.

Планета эволюционирует. Кончается темная эпоха, которую земные мудрецы называли Кали-югой. Впереди новая светлая эпоха Сатья-юга. Смена эпох – грозный период. Это очень опасное время для планеты и ее обитателей. Потому что в следующем столетии к Земле начнут приближаться огненные энергии – разумные космические силы: они должны произвести трансмутацию и очищение планеты и ее обитателей. Приближающаяся эпоха Огня принесет страшные бедствия – уничтожение целых зараженных областей подземным огнем, усиление различных страшных эпидемий, появление новых и новых вирусов.

Кроме того, что бывает всякий раз при смене рас, будут происходить частичные геологические изменения в строении самой Земли. Противостоять этому могут лишь те, кто успел достаточно очистить свое мышление и сознание и ассимилировать пространственный огонь. Остальные погибнут.

Но человечество в целом сегодня пошло по пути атлантов. Многовековое зло, низкое человеческое мышление создали вокруг планеты удушающую тьму, которая является антиподом света. Эта тьма может так поспособствовать соединению космического огня с огнем, пылающим в недрах Земли, что это вызовет на планете страшные катастрофы, взрывы и землетрясения.

Человек со своим мышлением, низкими устремлениями станет взрывателем подземных сил и возбудителем извержений вулканов. Это не метафора. Это горькая и страшная правда.

Сказано Наивысшим: «Даже трудно представить себе, как заражена планета. Не остается ни одного закона, который бы не был проникнут ядом разложения. Каждое высшее проявление настолько покрыто черной мыслью, что очищение слов земных и надземных – важная работа.

Строй жизни настолько разобшился с Космическим Магнитом, что все порождения человеческие принимают формы чудовищные. Развитие сил пошло по руслу, направленному к разрушению. Так миллионы темных душ воплощаются; души, потерявшие связь с духом. Столько столетий множество душ устремлялось к явлениям быта, но не бытия... И жизнь направлялась этими вожделениями.

Даже не подозревают люди, насколько напряжена планета! Все условия, которые государства создают, сравнимы с вулканом. Каждая волна действия насыщается разрушением. Нет таких положений, которые указывали бы на продвижение к спасению. Но чем удушливее, тем скорее может разрешиться великая мировая Проблема. Сферы надземные тоже волнуются... нужно задуматься о явлении Огненной Стихии, ибо кто от Огня, тот восторжествует с Огнем.

Карма Мира есть отражение каждого действия. И спасение человечества может прийти лишь от внутреннего позна-

ния. Для того и нужно разбудить лучшие энергии, ибо космическая справедливость проявляется там, где есть притяжение. Не уйти от кармы, не трансмутировать энергий без напряжения воли.

Формы жизни есть печать духа народа. Можно судить об упадке или восхождении народа не только по историческим фактам, но и по выражениям творчества. Когда духом овладевают грубость и невежество, то все выражения будут соответствовать установлениям жизни. В этом единении можно проследить все основные черты времени. Конечно, формы жизни дают всю окраску периодам истории. Чем отличаются первые три десятилетия двадцатого столетия? Войны, ужасы, жестокости, огрубление и самые страшные отрицания! Но можно распознать среди этого мрака формы Света. Пусть они меньше числом, пусть они разбросаны по коре Земли, но равновесие Света устанавливается не численностью, но потенциалом, не скученностью, но доблестью духа...»

Юный пророк слушал и внимал тому, что говорил этому воистину блестящему собранию высоких душ Всепланетный Логос. А перед его внутренним взором вставали картины жизни на многострадальной планете. Разрушенные в результате Первой мировой войны города, гигантские кладбища, новые виды истребительного оружия. Все правда, правда. Но как уйти от всего этого?

А тем временем в пространстве и времени начинался общий разговор.

Первым он услышал голос той монады, той сущности, что в далекие-далекие времена где-то на затерявшейся окраине галактики, названной Млечным Путем, звалась пророком Моисеем:

– Путь, которым я усмирял страсти живущих на планете в том племени, в котором я странствовал и проповедовал, – это был путь строгости. Карам небесными и страхом перед могуществом Бога я должен был вырвать народ из дикости и жестокости. Соответствующе и учил я по принципу «Око за око, зуб за зуб». Таков был уровень понимания людей. Только страх перед карою заставлял их повиноваться Божьей воле. Я дал им первые десять заповедей. Не убий, не укради, не возжелай... Дал основу для того, чтобы они могли выйти из абсолютно дикого состояния. Это было нелегко, но необходимо...

Рядом с этой грозно светящейся монадой вспыхнула ярким алым огнем любви другая. Да так ярко, что осветила небеса на миллионы километров в космосе.

Юный пророк ощутил на себе ток гармонии, красоты и покоя. И по ощущению всепрощающей, всепроникающей любви он понял, что перед ним монада того, кого на Земле звали Иисусом Христом.

– К любви и милосердию призывал я свою паству. Всю мощь любви, которую дала мне мать Вселенная, вложил я в души избранного к служению народа. Труден был мой путь. Чудес, чудес и подтверждений требовали от меня малове-

рующие и темные люди. Страсти кипели... Немногим было нужно слово Божье. А многие жаждали царя и власти. Осталось мое служение на Земле незаконченным из-за предательства и трусости. И жертва моя, которую я принес ради людей, не смогла ускорить ход эволюции человечества так, как это было нужно высшим силам...

– Брат мой принес себя в жертву во имя любви! – послышался Даниилу голос из пустоты. И вместе с этим голосом он почувствовал, как в сердце и голове наступили ясность и легкость, а вслед за ними пришла сила. Эта сила спустилась вниз по его позвоночному столбу и, раскрыв плечи, заставила широко вздохнуть.

– Я же показал племенам и народам, к чему им надо стремиться... К очищению сознания. А через него к безмыслию и очищению души. «Там, где нет желаний, нет и страданий», – провозгласил я лозунг для тех, кто хочет избежать колеса Сансары и наконец-таки достигнуть просветления. Так же как и мои высокие братья-пророки, я заложил основы учения, которое названо буддизмом. Оно дало людям надежду на достижение новых высот духа...

– Религии вырастают одна из другой. По мере того как меняются люди, меняются их представления о мире и самих себе. Я пришел к полудиким племенам кочевников в тот период, когда они только-только вышли из первобытного состояния и еще не нашли в себе, в своей культуре нужного света, – зазвучал на всю Вселенную голос отливающей изу-

мрудным цветом монады.

«Кто это?» – мысленно спросил пророк у застывшего рядом с ним даймона.

– Это великий пророк Востока Мухаммед, – незамедлительно ответил тот.

– Я дал им понимание о едином Боге-Аллахе. И чтобы поднять их культуру, их дух, мне пришлось установить жесткие, твердые правила и обряды, исполнение которых должно дисциплинировать моих приверженцев. Казалось, своим примером я проложил тот путь, которым они должны идти, не сворачивая. И что же? Стоило мне покинуть планету, как тут же начались раздоры. И люди, которые должны были повести народы в райские кущи, начали междоусобные войны, отправляя всех прямиком в руки шайтана Гагтунгра...

– Раньше других духовных вождей и пророков, на заре зарождения великой китайской нации, я принес свое учение, – неожиданно зазвучал голос другого великого учителя, Конфуция. – Я дал людям понятие «жэнь» – гуманизма, показал им образец благородного человека...

Даниил слушал голоса великих духовных монад, чувствовал биение пульса их мысли и уже понимал, что сегодняшнее событие – собрание великих душ – происходит вовсе не потому, что человечество достигло духовных вершин и это событие надо отметить празднованием. А потому, что у планеты впереди грозные испытания переходного периода. И тот единый Всепланетный Логос, который ведет человечество по

пути эволюции, чувствует грозные предзнаменования и нависшую над ним опасность. И он, Даниил, всем своим существом ощущал сейчас и сам Всепланетный Логос, и всю великую иерархию этой Вселенной.

Постепенно в его сознании формировалось новое понимание, и оно, в сущности, выражалось до чрезвычайности просто.

Как и вся Вселенная, Земля эволюционирует, а вместе с нею эволюционирует и жизнь на ней. Но так получилось, что эволюция человечества запаздывает. И если люди в своем духовном развитии не успеют за наступающими изменениями, то будут при наступлении «огненной эпохи» просто сметены с лица планеты.

И задача иерархии света заключается в том, чтобы за оставшееся до наступления новой эпохи время ускорить движение человеческого духа.

Но проблема эта отягощается тем, что дьявольские силы, возглавляемые порождением тьмы Гаггунгром, препятствуют эволюции. Им нужно другое – уничтожить Землю, чтобы получить при взрыве энергию для захвата сердца Вселенной.

Они мешают, препятствуют духовному прогрессу человечества, устраивая войны, революции, перевороты, кровавые мятежи, этнические чистки. И примером этому служит только что закончившаяся Первая мировая война, которая принесла такие разрушения, такие страдания, а главное – такое одичание человеческого духа, которое невозможно будет ис-

править в течение долгих десятилетий. Можно сказать, что война эта завершилась духовной катастрофой для человечества.

Но послевоенный мир никого не устраивает. Все зыбко. И люди в Европе, на континенте, где в последние столетия так быстро и успешно развивались наука, техника, культура, искусство, не извлекли из этой мировой бойни никакого урока. Они продолжают копить взаимную ненависть, злобу, жажду реванша.

* * *

Слово берут Великие. Первым – тот, кому предстоит сделать рывок в эволюции. Та самая монада, которая станет создателем нового учения.

– Сегодня на планете Земля, помимо традиционных религий, которые основали великие пророки и учителя, существуют еще и нетрадиционные учения, призванные усовершенствовать человеческий дух. Так, в Западном полушарии три века назад возникли вольные каменщики, которые призвали освободить человечество от духовных пут и от тех темных душ, которые проникли в лоно церквей и извратили, убили светлое учение христианства. Я говорю о масонстве. Отцы-основатели этого течения, появившиеся с лозунгом «Свобода, равенство, братство!», немало сделали для того, чтобы изменить жизнь людей. Буржуазные револю-

ции, которые они вдохновили, смели с лица земли старые порядки во многих странах Запада. И позволили человечеству выйти к новым духовным рубежам. С помощью созданной ими стройной системы мистерий, ритуалов, посвящений вольные каменщики пытаются решить задачу ускорения духовной эволюции человечества в странах Запада. Более того, они создали по своим лекалам и чертежам целое мощное государство – Соединенные Штаты Америки. Эта страна, живущая по законам, написанным основателями мирового масонства, совершила огромный скачок в духовном развитии масс. И я думаю, что в ближайшем столетии государство, созданное масонами, еще проявит себя. Тем более что масонство еще до конца не исчерпало свой потенциал...

Не успела ярко пульсирующая монада Вестника продолжить свой анализ положения дел на планете, как чей-то голос вклинился в его плавную, но полную внутренней энергии речь.

– Бессмыслица! – едко произнес он.

И в глубине светлого собрания вспыхнула монада, похожая на яркую пятиконечную звезду. Судя по тому напряжению, которое эта звезда излучала, по тому, как из ее концов, словно молнии, вылетали огненные жгуты, в монаде давно кипела энергия раздражения. Кипела и вылилась в реплику, полную сарказма.

– Масонство! И совершенствование человеческого духа! Нет ничего более смешного. Масоны только что показали

полную бесполезность своего учения. Они получили в феврале семнадцатого года этого столетия в России полную возможность воплотить свои лозунги в практическую жизнь. И что же? Они бездарно провели отпущенное им время. Погубили страну. И себя. Россия после их правления впала в абсолютно дикое состояние. В гражданскую войну... Вот цена их правления. И цена их учения.

«Кто это?» – мысленно спросил своего сопровождающего уже почти освоившийся с новым способом передачи мысли пророк Даниил.

«Это монада великого русского писателя. Гения, который отразил свою эпоху в романах девятнадцатого столетия. Но великий писатель – еще не значит, что такой же мыслитель. Он выдвинул и бросил в массы учение о непротивлении злу насилием. Но оно потерпело полное фиаско в тот момент, когда началась мировая война и народы принялись убивать друг друга всеми доступными им способами, травить людей газами, как клопов, и косить из пулеметов, как траву. Увидев, что все его прекраснодушные рассуждения о непротивлении потерпели полное фиаско, душа великого человека впала в неистовство и не хочет признавать того, что вела доверившихся ему людей в духовный тупик. А проще говоря, на бойню, которую устроили на планете темные силы. Поэтому он так яростно доказывает, что учение его верно... Но, как видишь, сегодня оно неприемлемо и даже очень вредно, так как разоружает народы перед лицом зла... Но он упор-

ствует...»

Судя по всему, Всепланетный Логос заглушил голос протестующей монады, потому что Даниил опять услышал ровный юный звук голоса Вестника. Он продолжил анализировать духовное пестование человечества:

– Сегодня на планете набирает силу еще один проект по ускорению эволюции, а может быть, даже и созданию человека нового мира. Это проект коммунистический, который выдвинула великая душа – махатма Ленин. Он вырвал Россию из хаоса и вихря гражданской войны. Разгромил тех, кто не видит нового пути. И приступил к созданию новой страны. И нового человека – Человека завтрашнего дня...

– И каким будет этот человек без Бога и совести? – слышался протестующий голос еще одного великого писателя. – Страшен будет этот человек. Ведь если Бога нет, то все можно. Не человек это будет. А зверь!

Голос прозвучал и замолк. Казалось, что он полетел между звездными галактиками. И его поглотил космос.

– Но, к сожалению, – продолжил свою телепатическую трансляцию Вестник, – существует реальная опасность, что и этот грандиозный проект создания так называемого «человека коммунистического завтра» не состоится. Не состоится по той простой причине, что, судя по огненным психическим напряжениям на планете, в скором времени может грянуть новая, Вторая мировая война. Она отбросит людей во времена варварства. И не даст нам возможности провести

человечество через это страшное переходное время от Кали-юги к новой эпохе Сатья-юга...

Из глубины непознаваемого раздался еще один уточняющий голос:

– Есть еще один амбициозный проект, который был предложен сотни тысяч лет назад великим пророком Заратустрой. Это проект создания сверхчеловека. В мире он существует пока подспудно. И мы должны сделать все возможное, чтобы он не овладел массами. Ибо создание сверхчеловека на базе расовой теории, предложенной некоторыми философами, может привести к катастрофе. Но будем надеяться, что до этого не дойдет. И слуги Гагтунгра не найдут подходящей страны и подходящего человеческого материала для выведения новой расы.

Гул тысяч великих монад заполнил космос вибрациями, от которых содрогнулись орбиты планет и запульсировали звезды.

– Так что нам делать?! Что делать?! Что?! Что?!

Вибрации эти ударили в поверхность ближайшей звезды под названием Солнце и вызвали несколько пятен на ней, а также мощный выброс протуберанцев.

– Нужно ускорить духовную эволюцию. Только она способна спасти людей. Надо, чтобы все ученые, писатели, люди доброй воли призвали народы к разоружению. Я предлагаю великим махатмам Кут Хуми и Мории – тем, кто сегодня непосредственно пестует жизнь на Земле, – обратиться к на-

родам и правительствам с призывом ко всеобщему разоружению. Я уверен, что это удастся, – снова вступил в хор голос гениального писателя.

Но откуда-то из «глубины зала», хотя, конечно, никакого зала здесь не было, раздался голос тихой, до сих пор никак не проявившей себя, постоянно меняющей формы (то она становилась кругом, то звездой, то треугольником, то кубом) монады:

– Войну может остановить только разрушительная сила оружия. Когда она станет настолько огромной, что ни у одной из сторон не останется ни единого шанса на победу, война прекратится. Сама собою.

– Это несусветная глупость! – раздался скрипучий голос монады великого писателя-непротивленца. – Ученые просто дураки! Нам нужно повышать нравственность, нравственность и еще раз нравственность!

Но, судя по всему, этот призыв гения не нашел отклика у приглашенных на совет обитателей Сальватэрры. А вот мнение русского ученого-физиолога, которое он так вот неожиданно вбросил в это высокое собрание, получило поддержку.

И случилось нечто странное и неожиданное. До сих пор великие души держались как-то обособленно друг от друга. Они находились как бы в гигантском, на миллионы километров, огненном шаре. А в момент согласия они на какое-то мгновение вдруг слились в некое единое огненное кольцо.

Даниилу в этот миг показалось, что в космосе вспыхнула

сверхновая звезда.

Даймон тоже расправил свои огненные крылья и пояснил Даниилу:

– Кажется, наш совет нашел подходящее для всех решение. Сейчас мы услышим слово Логоса планеты.

И действительно, в сознании пророка загредел голос того, кто принимает судьбоносные решения:

– Властью, данной мне матерью-Вселенной, что создала нас всех, как член великой иерархии сил Света, предлагаю махатмам Хут Куми и Мории направить через Белое братство письмо к махатме Ленину, чтобы установить братскую связь с новой Россией, которая начинает эксперимент по ускорению духовной эволюции человечества. Созная всю опасность, которая нависает над этим экспериментом со стороны сил тьмы, ведомых Гагтунгром, я предлагаю для защиты дать руководителям новой России, ведущим народы по пути прогресса, новое, могучее, совершенное оружие, которое защитит страну от нападений.

Оружие, которое выкует этот народ, мы условно назовем именем Пересвета, которое сочетает и духовную, и материальную мощь России. Оно позволит сохранить мир на планете. И только после этого для дальнейшего прогресса духа на Гее воплотятся те, кто принесет и разовьет новое учение.

– Да будет так! – единодушно отозвалось высокое собрание.

Гигантский огненный шар, образованный в вечной тьме космоса, начал медленно распадаться на цепочки огоньков и отдельные, тающие в пространстве звездочки. Великие монады покидали Мировую Сальватэрру для того, чтобы продолжить свою деятельность по ускорению эволюции планет и жизни во Вселенной.

Кто-то возвращался на Землю. Те, кто уже отработал на земном плане, устремлялись к новым мирам, к другим звездным системам.

Те, кто готовился снова воплотиться в мирах, отдыхали, набирались нового опыта.

Великие учителя человечества устремились к семи башням, из которых они управляли эволюцией. Движение их отмечалось прозрачными полосами в кругах синего, зеленого, желтого, оранжевого, красного и фиолетового огней. От них по всему космосу разливалось сияние, похожее на северное сияние в полярных областях Земли.

Оно скользило лучами и громадными кругами.

Духи мчались по этим лучам со скоростью света, стремились к своим планетам, внося всюду свет гармонии, успокоения и радости.

– Нам тоже пора, – произнес лучезарный даймон, расправляя огненные крылья за спиною и подхватывая пророка, как

мать подхватывает на руки младенца. – Запомни то, что ты сейчас видел. Это пригодится на трудном и тернистом земном пути. И пусть с тобою останется сила, которая позволит преодолеть все ужасы, препятствия и даст возможность выполнить великую миссию, порученную тебе в этой жизни силами света...

– Какую миссию? – спросил Даниил. Но уже не получил ответа, так как в то же мгновение оказался на Земле. На том самом месте, с которого началось его духовное путешествие.

И снова Божий мир распростерся перед ним в своей первозданной красоте.

Он стоял у ограды одного из сквериков, окружавших храм Христа Спасителя, и вслушивался в мощный благовест колоколов.

И было это в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот двадцать первое. В Галактике Млечный Путь. Рукав Ориона. Солнечная система. Третья планета от звезды по имени Солнце. Называется Гея (Земля).

II

«Все горит, кипит и пенится. Горячая получилась ночь. Запомнится навсегда. Никогда не думал, что Молотов, Микоян, Ворошилов, Каганович, Маленков – эти, можно сказать, «небожители» – могут так резко и остро выражаться. Н-да! А как выступал Жданов! Конечно, сильно помогло в

«разборе полетов» и заявление Журавлева. Вовремя я его нашел. Ну что ж. Коли не по Сеньке шапка, то дадут Сеньке по шапке! И то дело – зажрались, товарищ Ежов. Потеряли берега. После сегодняшней ночи ясно, что Николаю на должности не удержаться. Значит, придется тащить этот воз мне. Расчищать авгиевы конюшни. Я, конечно, не Геракл, но сделаю, что смогу. А сделать предстоит немало...

В первую очередь надо разобраться с аппаратом. Засорен он, замусорен... Затем остановить эту вакханалию с репрессиями, бесконтрольными убийствами...

Коба – тонкий политик! Не зря он показал мне письмо Хрущева, в котором тот просит еще увеличить лимит на ракеты. И свою резолюцию: «Уймись, дурак!»

Значит, надо понимать, чувствовать настроение вождя. А это ох как непросто... Ежов увлекся, не понял. Да и натура у него!...»

На этом ход мыслей Лаврентия Павловича был прерван. Его большой черный «паккард» проехал во внутренний двор здания на Лубянке и застыл у двери. Услужливые руки адъютанта мягко открыли дверцу. И «без пяти минут» нарком внутренних дел СССР Лаврентий Павлович Берия проскользнул в открытую дубовую дверь подъезда.

На дворе стояла осень 1938 года. Новый рабочий день незаметно вливался в старый и тянул за собой нескончаемые дела.

Лаврентий Павлович важно прошествовал через прием-

ную, где сидел секретарь, и прошел к себе в кабинет.

Кабинет на Лубянке был таким же, какими были тысячи подобного рода кабинетов по всей огромной стране. Тоталитарный режим на то он и тоталитарный, чтобы все было единообразно и подчинялось строгим правилам.

Так что рабочие места вождя и наркома отличались друг от друга только размерами.

Ну, может, еще количеством обслуживающего персонала.

А так – все строго ранжировано в зависимости от места владельца кабинета на иерархической лестнице. У всех: комната, обитая деревянными панелями из карельской березы, мощный стол с приставленным к нему столиком для посетителей. Рядом длинный и огромный дубовый для совещаний. Два ряда стульев. Красный ковер на полу. Все солидно, надежно, на века.

Это начальники могут приходить и уходить, а мебель и огромный металлический сейф в углу – символы незыблемости власти – всегда остаются. Вместе с начальниками меняются портреты царей и вождей на стенах, а также содержимое металлического сейфа – дела, которые в нем хранятся.

Берия разделся, повесив верхнюю одежду во встроенный шкаф. Остался в кителе и новенькой, недавно сшитой гимнастерке.

Прошел в комнату отдыха, где стояли кожаный диван и кресла. И с удовольствием посмотрел на себя в зеркало. Там он увидел худощавое восточное лицо с высоким с наме-

тившейся лысиной лбом, умные проницательные миндалевидные глаза, закрытые блестящими стеклами пенсне, придававшим его лицу какую-то «змеиную» интеллигентность и делавшим его взгляд похожим на холодный зеркальный взгляд кобры.

Лаврентий знал, что этот взгляд внушает людям страх. И это ему нравилось.

Но особенно нравилось ему сейчас то, что он видел в собственном одеянии. Недавно вождь присвоил ему звание комиссара госбезопасности первого ранга, и его парадный китель теперь украшала красная петлица с вышитой звездой и четырьмя ромбами. На сегодняшний день в его ведомстве не было никого, кто носил бы такую же звезду и особый нарукавный знак.

Поэтому он так важно и медленно прошествовал через приемную. Чтобы все обратили внимание на его новые регалии.

* * *

Берия, как хороший «дирижер», взял с собой в Москву из Закавказья и свой «оркестр», который мог «сыграть любую музыку».

Первая скрипка в нем, конечно, был Всеволод Николаевич Меркулов, «Меркулыч», как ласково называл он своего доверенного помощника.

Вторым числился Богдан Кобулов. С Богданом его связывали особые отношения личного свойства.

Еще с ним приехали сюда, в столицу, Деканозов, Мешик, Гоглидзе, Влодзимирский, Мамулов. И разные люди помельче калибром. Такие, как Борис Александрович Людвигов – аккуратный, всегда подтянутый сухарь, начальник его секретариата, помощник Федор Васильевич Муханов, адъютант Рафаэль Семенович Саркисов, водитель-охранник Сардион Николаевич Надарая.

В общем, все красавцы как на подбор. А с ними он, Лаврентий Павлович Берия. Как дядька Черномор.

Вот с этой командой он и прибыл сюда, чтобы, как говорится, «решать вопросы». А вопросов столько, что голова идет кругом. И не знаешь сразу, за что хвататься.

Но он не привык пасовать. Ни тогда, когда расправлялся с оппозицией в Закавказье, выкорчевывая троцкистов, ни тогда, когда поднимал Грузию, одновременно сажая чайные и мандариновые плантации, строя новый Тбилиси...

Берия походил по кабинету взад-вперед и попытался внутренне уложить в относительно строгий порядок те задачи, которые поставил перед ним вождь, назначая и направляя его во «внутренние» органы государства.

Первое, что необходимо сделать, – это «зачистить» и заменить центральный аппарат, который достался ему от Ягоды и Ежова. Люди эти свою миссию выполнили. И теперь, когда меняется функция госбезопасности, когда на смену «ре-

волюционным, пламенным чекистам» должны прийти государственные служащие, от слишком ретивых придется избавиться. Не зря же мудрый Иосиф Виссарионович всегда говорит: «Кадры решают все!» Надо набирать новых. Тех, кто не будет шарахаться, умствовать, поддерживать разные линии, а будет держаться одной – линии вождя.

Коба уже поставил задачу Георгию Маленкову. И тот обязан помочь ему. Подобрать из молодых, энергичных комсомольцев, коммунистов новый состав.

Конечно, никто не может до конца разгадать ход мыслей Джугашвили. Но кое о чем он, Лаврентий, догадывается. Многие недоумевают, не понимают: отчего вдруг так обострилась борьба? Вроде уже двадцать лет прошло после революции. А он все ищет врагов. Ведь всё! Победили! И даже деревню раскулачили!

А того они не понимают, что сейчас и пошло самое опасное. Самое страшное. Не Троцкий и не троцкизм стали главной опасностью. А перерождение кадров. И наиболее ярко оно проявило себя в тридцать шестом году. Тогда было решено принять новую, можно сказать, социалистическую Конституцию СССР. Конституцию, самую демократическую, самую передовую в мире, гарантирующую все права трудящимся и обеспечивающую настоящую социалистическую демократию. В этой Конституции предусматривались прямые, тайные выборы во все органы советской власти. А главное – кандидатов в советы могли выдвигать не только

парторганизации, но и другие, беспартийные образования. Это подрывало монополию партийных функционеров. И по словам самого Иосифа, такие: «Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти».

Сталин понимал, что, проводя такую реформу Конституции, он нажил немалое количество недоброжелателей в правящей верхушке. Они уже были при власти и, конечно, не хотели бороться за нее на выборах снова и снова.

И номенклатура не дала ему этого сделать.

Еще одной причиной, по которой поднималась новая волна репрессий, была гражданская война в Испании. Она недавно закончилась. И закончилась поражением республиканцев. В огромной степени причиной этого поражения стала так называемая «пятая колонна», которая подняла мятеж в самое критическое время.

Вождь сделал далекоидущие выводы. Начнись война в СССР – не повторит ли она испанского сценария?

А то, что война рано или поздно постучится и к нам, – в этом сомнений нет. Ведь она, Вторая мировая, уже идет полным ходом. Люди стараются, делают вид, «прячут головы в песок». Нет! Войны нет! А она началась с 1 октября 1938-го. Началась с того момента, как немцы вступили в Судетскую область и оторвали кусок Чехословакии. (Чехи сразу обосрались. И подняли ручки кверху.) В этот же день в войну вступили поляки – захватили другую часть Чехии.

А вот теперь в дело вступили и венгры, которые сейчас, в ноябре тридцать восьмого года, прибирают к рукам южные районы. «Так что дело пахнет керосином, — думал Лаврентий Павлович. — И похоже, Коба, понимая это, решил подстраховаться — ликвидировать тех, кто может во время схватки ударить в спину нам... И конечно, он понимает, что взялся за великое дело. Переустройство мира и... человека. А для этого нужны другие люди. Нужны другие люди. Не эти революционные болтуны, которые только и знают, что шептаться за спиной... Да что они умеют? Я на таких в Грузии насмотрелся... Уря! Уря! Сплошь демагоги. Нужны новые, грамотные, молодые строители социализма...»

Берия отошел от зеркала и подошел к окну. Даже самому себе он не хотел признаться и боялся этих несвоевременных мыслей. Даже мыслей...

«Как Коба изменился после убийства Кирова!.. Очень изменился. Видно, понял простую вещь. Каждый из этих чекистов, которые стоят на каждом углу в Кремле, может в любой момент выстрелить тебе в спину... Страх! Предательство... Не это ли еще одна причина репрессий... Очень похоже, что это так!

Обсуждают, прикидывают. Потом заговор. И хочется, и колется. Но и убить боятся. А власти хочется. А он это чувствует. Как он вчера вскинулся, когда обсуждали работу НКВД. И то, какие там люди подвизаются. Прямо ночью назначил своего телохранителя Николая Власика на место

арестованного Дагина начальником первого отдела Главного управления государственной безопасности. Передал ему всю полноту ответственности за свою жизнь и жизнь высшей власти нашей страны. За пять минут передал. Видно, испугался...

Да ну их к черту, эти мысли. Они до добра не доведут! Рабочий день уже в разгаре...»

Лаврентий Павлович еще раз поглядел в окно, посмотрел на широкую, покрытую брусчаткой площадь перед зданием на Лубянке, на виднеющиеся на той стороне приземистые московские здания. И, вернувшись к столу, нажал кнопку звонка.

Через секунду в дальней от стола стене кабинета открылась дверь. На пороге появилась подтянутая аккуратная фигура в военном кителе – его начальник секретариата Борис Александрович Людвигов.

– Что у нас, Борис? – спросил первый заместитель наркома.

– Вы вызывали! К вам Меркулов Всеволод Николаевич. С докладом. По делам во внешней разведке.

– Ну, пускай заходит!

Людвигов исчез и появился Меркулов.

Свою команду Лаврентий Берия собирал все эти годы из совершенно разных людей, руководствуясь исключительно теми качествами, какие были нужны ему для дела. Поэтому в ней состояли люди абсолютно разные как внешне, так и,

условно говоря, по своему внутреннему наполнению.

Меркулыч был человеком абсолютно не чекистского склада. Во-первых, он был из дворян. Во-вторых, окончил гимназию и три курса университета. В-третьих, был женат на племяннице царского генерала. Более того, этот тихий застенчивый человек всю жизнь хотел стать не генералом, а писателем. И у него был соответствующий круг общения – режиссеры, сценаристы, актеры.

Но при таких вот биографии, характере и самом главном недостатке, на который указал ему сам вождь, – «избытке человеколюбия» – он все-таки служил в ЧК. Держался в команде. Потому что не только был хорошим исполнителем, но и работал тем, кого в более поздние времена назовут «спичрайтером». То есть он писал все речи Лаврентия Павловича.

Сейчас он пришел с докладом о состоянии внешней разведки, проанализировать которое ему поручил начальник.

– Ну что, Меркулыч! Как у нас обстоят дела?

Интеллигентный, с дворянским породистым лицом Меркулов отвечивал коротко, но емко:

– Можно определить одним словом – полный провал! Нет у нас внешней разведки!

– Это как? – вскинулся шеф.

И Меркулов принялся за анализ состояния дел.

– Ситуация – полный швах. Вот список людей, связанных с нашими спецслужбами и ставших невозвращенцами.

Иван Поветуха, Георгий Агабеков, Григорий Беседовский, Иван Карпов, Кирилл Калинов, Федор Раскольников, Вальтер Кривицкий (Гинзберг), Александр Бармин (Графф), Игнатий Рейс (Натан Порецкий). Ну и в последнее время сами знаете кто. Ушел за кордон к японцам Генрих Люшков, наш представитель на Дальнем Востоке. И Никольский, он же Орлов, он же Фельдбинг. Эти люди знали о нашей развед-сети практически все... И, конечно, они всех агентов сдали.

– Это что же получается? Может, все наши резиденты работают под контролем врагов?

Верный Меркулыч в ответ только пожал плечами, что означало – все может быть.

– Понятно! И ниточки могут тянуться сюда, даже в центральный аппарат. А аппарат здешний практически переродился. Так сказать, плоды революционного бардака. Чистим, чистим эту навозную кучу. Ежов чистил, не дочистил. И сам увяз. Теперь мне приходится дочистать. Ладно. Примем к сведению твою информацию. Я тебя просил посмотреть старые дела. Еще с двадцатых годов. Может, еще оттуда тянутся какие-то ниточки.

– Все готово. Просмотрел дела на всех начальников разведки еще со времен ВЧК. Только почти все они уже расстреляны. Так что нам от них помощи в плане информации, кто есть кто, уже не дожидаться.

– Прямо так и все? – недоверчиво поднял из-под пенсне глаза Берия. – И ничего нельзя в этих делах полезного по-

черпнуть?

Меркулов даже как-то обиженно поджал губы, как бы говоря этим жестом: «Не доверяешь, начальник?» И принялся перечислять поименно:

– Давтян Яков Христофорович – начальник иностранного отдела ВЧК в двадцать первом году. Расстрелян по троцкистско-зиновьевскому делу 28 июля 1938 года. Катанян Рубен Павлович – тоже в двадцать первом был начальником ИНО. Репрессирован. Мессинг Станислав Адамович, начальник в двадцать девятом, ликвидирован в прошлом году. Артузов Артур Христианович – правил с 1931-го по 1935-й. Ликвидирован в 1937-м. Слуцкий Абрам Аронович...

– И этот тоже? – спросил Берия, знавший Слуцкого.

– Нет, этот сам умер. Как говорится, на посту. 17 февраля нынешнего года...

– Ну вот. А ты говоришь всех ликвидировали! – хмыкнул Лаврентий Павлович, довольный тем, что, так сказать, поддел подчиненного.

– Конечно, кое-кто еще остался, как говорится, из тех, кто побывал в «ежовых рукавицах». Вот Трилиссер Меер Абрамович. Арестован. И сидит. Ждет.

– И что? Все они, по-твоему, враги и предатели? – снова напрямую спросил Берия своего верного Меркулыча.

– Следствию виднее, – как-то неопределенно ответил тот. – Но есть и явное предательство. И попытки замести следы. Например, вот я принес с собою дело Блюмкина...

– А, это тот, что Мирбаха убил в восемнадцатом, а потом все куролесил? Так его, по-моему, ликвидировали в ту волну еще в двадцать девятом.

– Ликвидировать-то ликвидировали. А дело-то осталось. И дело темное, – сказал Меркулов и достал уже пожухшую от времени картонную коричневую папочку.

– Ну, давай рассказывай! – одобрил Берия, откидываясь на стуле. – Только по порядку. Ты же у меня писатель.

И самодовольно усмехнулся уголками «змеиных губ».

* * *

– Началось все как в детективе. – Меркулов разложил на столе бумаги. И плавно начал свое повествование: – Вы, конечно, знаете, что сразу после революции в стране было повальное увлечение мистикой, восточными учениями, магией и разными прочими оккультными практиками. Поэтому никто не удивился тому, что в июне 1926 года наш известный путешественник и, возможно, человек, как-то связанный с нашим иностранным отделом, Николай Рерих привез из экспедиции так называемое письмо махатм Советскому правительству. Вот это письмо. – И Всеволод Николаевич положил перед шефом небольшой, пожелтевший от времени лист бумаги, на котором было написано:

«На Гималаях мы знаем совершаемое Вами. Вы упразд-

нили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили паук жизни. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости матери. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения домов общего блага!

Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признаем своевременность Вашего движения и посылаем Вам нашу помощь, утверждая Единение Азии. Знаем, многие построения совершатся в годах 28—31—36. Привет Вам, ищущим общего блага!»

Лаврентий Павлович с интересом прочел сей опус. И, покачав головой, спросил:

— И что партия ответила на этот бред?

— Официально никакого ответа и явного движения по Наркомату иностранных дел не последовало. Да и невозможно это было. Англичане строго следили за нашими сношениями с Востоком. Но по линии нашей разведки ответные действия были произведены. В Тибет был направлен наш чело-

век. Конечно, никаких документов об этой миссии не сохранилось, но косвенные данные есть.

Вот маршрут Центрально-Азиатской экспедиции, возглавленной Николаем Константиновичем Рерихом. Она началась в 1924 году в Индии, прошла через Китай, Сибирь, Монголию, Тибет и в конце 1928 года вернулась в Индию. Где-то по пути, то ли в монгольской Урге, то ли на границе с Китаем в Хотане, то ли в индийском княжестве Ладакх, к экспедиции присоединился необычный лама. О нем в дневниках Рериха сохранилось несколько записей, которые иносказательно говорят о присутствии Якова Гиршевича Блюмкина в составе экспедиции. Вот, пожалуйста, фотокопии этих выписок. Княжество Ладакх-Лех. Индия:

«Приходит монгольский лама и с ним новая волна вестей. В Лхасе ждут наш приезд. В монастырях толкуют о пророчествах. Отличный лама уже побывал от Урги до Цейлона. Как глубоко проникающая эта организация лам. Толкуем с ламой про бывший с нами случай около Дарджилинга».

– Заметьте тонкую иронию Рериха о всепроникающей организации «этих лам». Ну и далее по тексту. Рерих пишет: «Оказывается, наш лама говорит по-русски. Он знает многих наших друзей».

– Это кого же он знал? – спросил Берия.

– Думаю, наркома иностранных дел Чичерина уж точно!

И разведчика Бокия...

– Ну, пошли дальше, это уже интересно! – Было видно, что Берия, как человек живой и творческий, заинтересовался историей походов этого «черта революции», как окрестил Блюмкина Меркулов.

– А вот записи, явно характеризующие Блюмкина и его привычку совать свой нос во все дырки:

«Нет в ламе ни чуточки хамства. И для защиты основ он готов и оружие взять. Шепнет «Не говорите этому человеку – все разболтает». Или «А теперь я лучше уйду». И ничего лишнего не чувствуется в его побуждениях. И как легко на передвижение...»

И вот через три дня они остановились в самом приграничье. И монах «был и ушел еще рано утром по дороге к границе».

– Чего-то ты затянул песню, – заметил Лаврентий Павлович. – Давай сухой остаток. Что в нем-то осталось?

– В сухом остатке Рериху с его экспедицией англичане в Лхасу пройти не дали. А вот Блюмкин от них оторвался и к Далай-ламе XIII проник.

– Это еще интереснее! Продолжай!

В этот момент на столе у Лаврентия Павловича тревожно затрещал телефон. И он, сразу обратившись «весь внимание», принял к трубке. Звонил Коба. Услышав глуховатый голос, Берия сжался, как пружина, и замахал рукою комиссару третьего ранга, показывая, чтобы он вышел из кабинета. Меркулов повиновался.

— Лаврентий! — сказал вождь с заметным грузинским акцентом. — Ты говорил, что у тебя есть письмо начальника УНКВД по Ивановской области Журавлева, как его там?

— Виктора Павловича!

— Во-во, Виктора Павловича, о безобразиях, которые твоились при Николае Ежове. Ты мне его, пожалуйста, направь. Будем рассматривать на совещании. И другие материалы, которые имеешь, тоже направь. Я поизучаю. И вот еще что. Не затягивай создание в комиссариате особого бюро по приему и рассмотрению жалоб...

— Мы его уже создали. Оно начало работать в соответствии с сентябрьским постановлением Политбюро. Идет массовый пересмотр многих дел...

— Да-да. И готовь постановление о прокурорском надзоре. Потому что надо заканчивать этот беспредел. Репрессии приняли какую-то обвальную форму. Просто вакханалия какая-то.

– Постановление практически готово. Я могу его подвезти вместе с другими документами.

– Харашо! Давай завтра!

– Слушаюсь!

Иосиф Виссарионович положил трубку, а Лаврентий Павлович еще долго держал свою на весу и размышлял о только что услышанном.

«Так, о чем еще нужно доложить Кобе?! О том, что кадровая чистка идет полным ходом. Арестовано с сентября около трехсот руководящих сотрудников ежовско-ягодинского призыва. Больше сотни в центральном аппарате да около двухсот на периферии. Из них – восемнадцать наркомов внутренних дел в союзных и автономных республиках. На все эти освободившиеся места выдвигаются новые, молодые кадры.

ЦК и Маленков хорошо помогают. Отобрали для учебы и работы тысячу пятисот человек. Все сплошь молодежь, комсомольцы, передовики. С чистой анкетой и советского разлива. Большинство хорошо образованные, многие с высшим техническим, как и я сам, образованием. Новое поколение идет на службу.

И разведчиков найдем. Уже открылась в Подмоскowie Школа особого назначения. Кандидатами туда подбираются ребята идейные, выпускники вузов. Правда, опыта у них маловато. Но опыт – дело наживное. Шармазанашвили дело знает. Подыщет подходящих преподавателей. Закроем и эту

дыру в иностранной разведке. Кончается время таких авантюристов, как этот Блюмкин. Ах да! Блюмкин. Я же не до-слушал!»

Берия нажал кнопку вызова дежурного секретаря:

– Пригласи Меркулова!

Всеволод Николаевич вошел и снова аккуратно разложил свои папки. Но не продолжил рассказ об экспедиции в Тибет, а начал по-новому:

– 28 сентября 1929 года тибетская история Якова Гершевича Блюмкина, настоящее имя Симха Янкель Гершевич, члена партии левых эсеров, сотрудника ВЧК в 1918 году, убийцы немецкого посла Мирбаха, сотрудника Троцкого, разведчика, авантюриста, получила неожиданное продолжение в Москве. Еще точнее, в гостинице Метрополь. В гостиницу пришла красивая, двадцатипятилетняя женщина...

– Точно, красивая? – усмехнулся Лаврентий Павлович.

Меркулов, зная о слабости шефа, улыбнулся и выложил фотографию, на которой была запечатлена молодая красивая ухоженная черноволосая дама с холодными глазами, в которых отражалось чувство собственного превосходства.

– Да! Хороша! – прицокнул языком Берия.

– Так вот, эта двадцати пяти летняя дама, звавшаяся Полежаевой Маргаритой Семеновной, зашла в холл «Метрополя». Подошла к стойке, у которой томила известная публика. А это был, как говорится, «угар НЭПа». И стала предлагать полушепотом обмен. Американские доллары на совет-

ские рубли. Естественно, она попала под наблюдение сотрудников, которые занимаются «валютчиками», и ее препроводили в районный отдел ОГПУ. Там допросили и выяснили любопытные вещи, после оглашения которых ее доставили в следственный отдел, куда отправили и сопроводительный документ. Вот он.

И Меркулов, как фокусник, вынимающий из шляпы живого зайчика, достал двумя пальцами и положил перед комиссаром бумагу.

Берия надел пенсне. И принялся за чтение.

«161/1

контроль Особый

Старшему уполномоченному отдела ОГПУ тов. Л. Черток Сообщаю, что 28/IX 1929 года в гостинице «Метрополь» при попытке осуществить незаконнуюмену иностранной валюты была задержана Гр. Полежаева Маргарита Семёновна 1904 г.р. урожденная г. Одессы из семьи еврейского ростовщика. Содержится в камере № 76.

Она показала, что состояла на оперативной связи в опер, отделе ОГПУ у старшего уполномоченного Зотова, который поручил ей осуществить слежку за уполномоченным ИНО ОГПУ тов. Блюмкиным Як. Гр., у которого она, Полежаева, 28/IX 1929 года и получила на его (Блюмкина) квартире иностранную валюту в размере 10 000 американских долларов по адресу: Москва, Большая Садовая улица, дом

7, квартира 3. С ее слез на квартире Блюмкина она видела чемодан, который был набит американскими долларами. Блюмкин предложил ей осуществить бегство из СССР, и она располагает сведениями о его сотрудничестве с представителями германской военной разведки.

162/2

О том, что она, Полежаева, получила деньги у Блюмкина и его шпионской деятельности она сообщить по каналам оперативной связи не успела.

Ответственный уполномоченный.

Симохин».

– Конечно, следователь Черток тут же вынес постановление о возбуждении дела по пятьдесят восьмой статье. И немедленно допросил Полежаеву об обстоятельствах этого дела. В ходе допроса... Вот он. Будете знакомиться?

– Нет! Докладывай так.

– Так вот, в ходе допроса дочь еврейского ростовщика подтвердила все, что сказала ранее. И добавила, что была любовницей Блюмкина. А также рассказала в подробностях, как и куда они собрались вместе бежать. Кроме того, она сообщила, что доллары у Блюмкина – это его гонорар от иностранных хозяев, которые его очень ценят. Свои показания она обязалась подтвердить на очной ставке. Блюмкина арестовали. И уже тридцатого сентября в восемнадцать ноль-ноль он оказался на очной ставке с роковой Маргаритой в ка-

бинете у Леонида Чертока! Или Чертка? Не зная, как точнее произнести фамилию следователя, Меркулов вопросительно глянул на шефа.

Тот понял и пошутил:

– А черт его знает этого Чертка!

– Очная ставка показала, что Блюмкин врет и выкручивается, не желая признаваться. Он стал утверждать, что Полежаева ему нужна как агент для оперативной работы за границей, что за границу он бежать не собирался. А откуда у него деньги, а это два с половиной миллиона долларов, – это государственная тайна, о которой знают те, кому надо.

– Сколько? – переспросил Меркулова Берия.

– Два с половиной миллиона.

Берия даже присвистнул:

– Это же гигантская сумма. Ну-ка, дай мне протокол очной ставки. Я почитаю. Так...

«Следственное дело № 99762

Москва, 1929 года, сентября 30 дня старший оперуполномоченный IV отдела ОГПУ Черток произвел очную ставку между обвиняемым Блюмкиным и свидетелем по настоящему делу Полежаевой (обвиняемый по делу № 99730)».

И Берия заскользил глазами по тексту, привычно пропуская процессуально-протоколно несущественное и выхватывая острым глазом старого чекиста основные вопросы и от-

веты участников очной ставки.

«Вопрос Полежаевой: Поясните, когда и при каких обстоятельствах Блюмкин передал вам американскую валюту?»

Ответ Полежаевой: 28 сентября сего года я пришла к Блюмкину домой на квартиру по адресу: Большая Садовая, дом 7, квартира № 3, и он мне дал 10 000 долларов, чтобы я купила себе вещей. Деньги он достал из большого чемодана, в котором было много валюты.

Вопрос Блюмкину: Подтверждаете ли Вы эти показания?

Ответ Блюмкина: Я подтверждаю показания Полежаевой. Я действительно передал гражданке Полежаевой деньги с целью купить дорогие вещи для выезда за границу, считая, что она будет работать в иностранном отделе.

Вопрос Полежаевой: Расскажите, как Блюмкин предлагал Вам осуществить бегство из СССР?

Ответ Полежаевой: Примерно за неделю до ареста Блюмкин рассказал мне, что он не видит большие перспективы для работы в ОГПУ, что его ждут в Германии и в Южной Америке. Он предложил мне выехать из СССР вместе с ним. Я сказала ему, что я согласна, но в действительности я не была согласна и согласилась только для того, чтобы не вызвать у него подозрений. Обо всем этом я намеревалась сообщить в ОГПУ, но не успела в связи с арестом. После ареста я сразу же рассказала обо всем следователю.

Вопрос Блюмкину: Подтверждаете ли Вы показания Полежаевой?

Ответ Блюмкина: Показания Полежаевой в части бегства из СССР я не подтверждаю. Все было не совсем так, как она рассказывает. Я действительно рассказывал ей о работе за границей, но не предлагал осуществить побег из СССР. Может быть, ей так показалось, поскольку она никогда не была связана с работой в иностранном отделе?

Вопрос Полежаевой: Что Вы можете пояснить по существу ответа Блюмкина?

Ответ Полежаевой: Нет, я настаиваю на своих показаниях. Речь шла именно о бегстве из СССР. Блюмкин говорил, что его начальники Бокий и Ягода не простят ему его поездки в Тибет, которая была возможна лишь с личного указания товарища Дзержинского, и что рано или поздно они все равно расправятся с ним, именно поэтому он и решил сбежать из СССР.

Вопрос Блюмкину: Что Вы можете пояснить по существу реплики Полежаевой?

Ответ Блюмкина: Я настаиваю на своих показаниях. Это провокация. Она хочет оклеветать меня! Я полагаю, что она действует по заданию и говорит это с умыслом.

Вопрос Полежаевой: Расскажите о том, что Вам известно о сотрудничестве Блюмкина с военной разведкой Германии?

Ответ Полежаевой: Блюмкин рассказывал мне, что воен-

ный чин германской разведки интересовался результатами его экспедиции в Тибет. Блюмкин выдал немцам свои отчеты об этой экспедиции и получил с его слов несколько миллионов долларов. После этого у него возник план осуществить бегство из СССР под предлогом загранкомандировки...»

Лаврентий Павлович оторвался от чтения протокола очной ставки. Он снова вспомнил недавно сбежавших за границу высокопоставленных чекистов и в бессильном гневе изо всех сил ударил кулаком по папке с делом Блюмкина.

– Уже тогда эти гады предавали и разбегались, как тараканы. Давить их надо, как клопов, всех этих «гусаров и чертей» революции!

Меркулыч только вздохнул и заметил:

– Вы дочитайте до конца. Тут еще не все об их художествах.

«Вопрос Блюмкину: Что Вы можете пояснить по существу показаний Полежаевой?»

Ответ Блюмкина: Я рассказывал ей об экспедиции в Тибет, но все остальное она выдумала. Это не соответствует действительности.

Вопрос Полежаевой: Как Вы можете прокомментировать ответ Блюмкина?

Ответ Полежаевой: Я настаиваю на своих показаниях. Он передал немцам секреты, и за это они заплатили ему

такие большие деньги. Я сама видела чемодан с деньгами.

Вопрос Блюмкину: Что Вы можете пояснить по поводу происхождения денег, изъятых у Вас при обыске?

Ответ Блюмкина: Эти деньги предназначались для спецопераций, для закордонной агентуры и для спецмероприятий. Я не могу пояснить, откуда у меня эти деньги, так как это государственная тайна и кому надо – тот знает об этом».

– А что, Меркулыч, было на самом деле? – прервал чтение вопросом Берия. – Может, ему правда выдали их для работы?

– Никто ему ничего не выдавал. В деле есть справка об этом. Деньги немецкие, точно.

– Вот гад! А, Меркулыч?

– Не только гад, предатель, но и контрик, заговорщик! Да вы дочитайте, товарищ народный комиссар!

И Берия, хотя еще и не был назначен народным комиссаром, с радостью «проглотил» оговорку соратника. Ибо знал, что назначение состоится вот-вот.

«Вопрос Блюмкину: Поясните, при каких обстоятельствах Вы имели встречу с Троцким и с какой целью, кто Вам давал санкцию на проведение этой встречи?»

Ответ Блюмкина: В мае 1929 года на Кипре я имел встречу с Троцким по заданию товарища Артузова. Я информировал его о намерениях этой встречи и о результатах».

– Так вот куда веревочка вьется! – задумчиво заметил Берия. – И что, это все?

– Нет, конечно! Если бы было все, я бы вас не беспокоил. Черток в течение месяца «колол» Блюмкина. Тот вертелся, как уж на сковородке. Толковал о высоких связях, о том, что не имеет права разглашать. Пытался минимизировать значение переданных немцам бумаг...

– Дурак он, что ли? Миллионы долларов за чепуху не платят. Он им что-то продал архиважное, – подал реплику Лаврентий Павлович.

– Во-во! В конце концов Черток его дожал. Тут-то и открылись следующие обстоятельства и факты. Действительно, в сентябре 1925 года в Тибет была организована экспедиция под руководством Блюмкина, который давно интересовался его тайнами. Экспедицию отправлял спецотдел ОГПУ, которым в то время руководил Бокий. Цели ее были такие: поиск маршрутов для проникновения в Лхасу, получение информации о неизвестных технологиях и революционная пропаганда. Экспедиция была недурно профинансирована. Блюмкину дали сто тысяч рублей золотом. И он сумел проникнуть к Далай-ламе XIII.

И более того, ему показали образцы хранившегося в Тибете, в пещерах, оружия древних. И, как я предполагал, там было немало интересных вещей.

Впрочем, Черток, похоже, сильно взволновался, когда по-

лучил признание. Поэтому отпечатал пятнадцать копий с протокола. И разослал их руководству, в числе которого были все заинтересованные лица: Менжинский, Агранов, Ягода, Трилиссер и иже с ними. Да вы почитайте, Лаврентий Павлович!

И Меркулыч положил перед шефом новую бумагу:

«1929 года, октября 30 дня.

ОГПУ. Протокол допроса обвиняемого Блюмкина Я.Г.»

Берия пробежал глазами первую страницу:

«Дело № 99762. ОГПУ. Допрос начат 16 час. 30 минут.

Допрос закончен в 16 час. 50 минут.

Протокол допроса обвиняемого

сентября 29 дня, я, ст. уполномоченный IV отд. ОГПУ Л.

Чертюк, допрашивал в качестве обвиняемого Блюмкина Я.Г. и на первоначально предложенные вопросы он показал.

Фамилия Блюмкин

Имя, отчество Яков Гершевич

Возраст (год рождения) 22 декабря 1898. 30 лет

Происхождение (откуда родом, родители, национальность, гражданство или подданство) из семьи еврейского ростовщика Блюмкина Гершии Яковича, отец умер в 1906 году. Мать – домохозяйка, проживает в гор. Одессе. Отношения поддерживают перепиской. Гражданин СССР.

Место жительства (постоянное последнее) Москва, Большая Садовая, д. 7, кв. № 3».

Взгляд Берии скользил по строчкам дела, а мысль в это время работала в другом направлении: «И этот в Москву перебрался. Сколько же их поднялось из-за черты оседлости, из своих местечек, кагалов, слобод. Говорят, больше двухсот тысяч. Целая армия. И все едут и едут. Цепляясь один за другого, проникая во все щели... Эй, что это я...»

И он снова сосредоточился на протоколе.

«Род занятий (последнее место службы и должность) ст. уполномоченный иностранного отдела ОГПУ капитан г/б.».

Пробежал еще пару строк, касавшихся семейного положения, имущества, образования, и уперся взглядом в партийность и политические убеждения. «В 1917 г. – член партии левых эсеров, в 1920 вступил в РКП(б), троцкист».

На слове «троцкист» бегущий взгляд Лаврентия Павловича остановился. Это было важно. Троцкий как раз в двадцать девятом был выслан из страны. И сторонники его в то время были очень этим возмущены. И было их немало. Немало тех, кто считал Россию только «хворостом» для мировой революции.

Он не стал читать одиннадцатый и двенадцатый пункты

протокола, которые касались того, чем человек занимался до войны 1914 года, а также во время Февральской и Октябрьской революций (и так ясно было – раздувал мировой пожар, как поется в той песне «гусаров революции»), и сразу перешел к чтению показаний по существу дела.

Эта часть показаний была написана от руки быстрым, черкающим почерком. Каждая страница, как и положено, заканчивалась подписью. Подпись была энергичная и очень «мутная». Просто такой набор каракулей, очень точно характеризующий путаную и полную авантюр жизнь этого человека.

Но чем глубже Берия вчитывался в текст, тем выше поднимались его брови. Он даже пару раз оторвался от чтения и удивленно посмотрел на Меркулова взглядом, который красноречиво спрашивал: «И это все серьезно?» А текст гласил:

«Показания по существу дела.

Вопрос: Какие характеристики оружия, обнаруженного Вами в Тибете, Вы выдали немцам? Что это за оружие, где Вы его увидели. Каков метод его действия?

Ответ: Как я уже говорил своему следователю, в командировке в Тибет 1925 года с распоряжения главы Тибетского государства Далай-ламы XIII меня провели в подземные залы и показали некоторые так называемые артефакты – оружие богов, сохранившееся на Земле с 1520 тысяч лет до нашей эры. Это оружие хранится в отдельных залах. Я подробно писал об этом в своих отчетах. Один отчет – руко-

писный, второй напечатан на пишущей машинке, примерно по 20–25 листов каждый. Где они сейчас – не знаю. Характеристика оружия примерно следующая:

1. Гигантские щипцы «Ваджару». С их помощью осуществляется плавка драгоценных металлов. Если плавить золото при температуре поверхности Солнца (6 тысяч градусов С), то золото на 70 секунд вспыхивает и превращается в порошок. Этот порошок использовался при строительстве передвижных огромных каменных платформ. Если на платформу насыпать этот порошок, то ее вес терялся до минимума. Порошок также применяли в медицине при лечении неизлечимых болезней и для избранных – в основном вожди его употребляли в пищу, чтобы продлить себе жизнь.

2 Колокол – так называемый «Шудзы», с помощью которого можно ослепить на время большое войско или целую армию. Способ его действия заключается в трансформации электромагнитных волн на определенной частоте, которую не воспринимает человеческое ухо, а светит непосредственно на мозг. Это очень страшное оружие. При его помощи индийский пророк Арджуна выигрывал большие сражения, приводя врагов в панику.

Как действует это оружие, я не видел. Я видел сами агрегаты в подземных залах, а член совета Тибета давал мне пояснения относительно технических характеристик, которые я передал немцам, а точнее представителю германской военной разведки господину фон Штильхе. С Штильхе

я познакомился в Европе в закордонной командировке. Кроме технических характеристик этих двух агрегатов, я передал Штильхе также сведения еще об одном оружии богов...»

Берия оторвался от чтения этой страницы и заново просмотрел анкету Блюмкина, где тот писал о своем образовании.

– Так, три класса духовного училища. В 1913 году Одесское техническое училище по специальности инженер... Значит, в технике должен разбираться. Не полный профан. Почитаем дальше.

«Это оружие осталось примерно с 8—10 тысяч лет до нашей эры, оно было обнаружено в подземных городах подо льдами Антарктиды в районе Земли Королевы Мод. Как мне стало известно, для того, чтобы попасть туда, необходим ключ и обряд посвящения, так как это место охраняется стражей. Эти устройства могут передвигаться как под водой, так и по воздуху, причем делают это с огромной скоростью. Они передвигаются на специальных летательных аппаратах круглой формы, которые не похожи на самолеты и аэропланы, известные нам. Технические характеристики их я тоже сообщил Штильхе. Он, Штильхе, предложил возглавить новую экспедицию в Тибет и в Антарктиду в научных целях. Я согласился, но я не имел намерений осуществлять бегство, так как об этих контактах и намерениях я

докладывал своему руководству. В этом и заключалась моя работа...»

«Реально ли это? – думал Лаврентий. – Вполне. Ведь тогда с Германией у нас было полное взаимопонимание и дружба. Мы вместе – СССР и Германия – оказались государствами-изгоями после мировой войны. И поневоле подружились. Заключили Рапалльский договор. Берлин финансировал через льготные кредиты развитие нашей индустрии. Мы помогали немцам возродить вермахт. Учили летчиков, стажировали танкистов, вместе работали над новыми типами техники. Доходило до того, что даже их бомбардировщики «юнкерсы» производили в Филях на нашем заводе. Это с приходом Гитлера многое поменялось. Хотя отношения пока остаются более-менее стабильными. Но...» Берия не стал додумывать эту мысль и вернулся к тексту допроса.

«Мной также было сообщено Штильхе об объектах, которые располагаются во всех частях света в горах. С помощью этих объектов в один момент можно уничтожить на Земле все города и промышленные центры всех стран независимо от государственного и социального строя. Насколько я понял из разъяснений в Штабе и как я указывал об этом в своих статьях, во всех частях света располагаются врытые в горы сферы из особо прочного металла, который невозможно ни распилить, ни взорвать. Внутри этих сфер

находятся определенные механизмы, которые при включении вырабатывают облако, похожее на солнце. Это облако вырывается в атмосферу, оно управляемо, то есть может двигаться по определенной траектории.

В необходимом месте оно взрывается. Это произошло в 1904 году в Тунгуске, там как раз взорвалось такое вот «облако солнце», которое вылетело несколькими часами раньше из подземной сферы в Якутии. Кто и как управляет оружием — мне неизвестно.

Вопрос: Кто еще знает о характеристике этих объектов и оружия, кроме Вас?

Ответ: В ОГПУ знают мои руководители. Знают практически все мои начальники, так как мы часто об этом разговаривали. В других странах вряд ли кто владеет этой информацией. Насколько мне известно, там только пытаются проанализировать ситуацию. Мое начальство и я, мы исходим из того, что зачем СССР тратить народные деньги, вместо того чтобы снарядить экспедицию от Германии и под их финансирование.

Вопрос: Что Вам известно о господине Штильхе?

Ответ: Он часто бывает в России, в Москве, Ленинграде, Киеве. Он хорошо известен среди ученых, которые занимаются у нас в области электромагнитных волн и физики. Он окончил Нюрнбергский университет. Он сам биолог и больше ученый, чем военный. Его интересует в основном наука, под его исследования правительство и армия Германии выделя-

ют огромные деньги. Это удивительный человек, который представляет для нас большой интерес. При этом он мне официально предлагал осуществить совместные проекты с их участием и финансированием. В подтверждение этого он предлагал мне 2 миллиона 500 тысяч долларов, которые и были изъяты у меня на квартире. Эти деньги я должен был сдать начальству. Об этом я доложил, но мне было сказано, что необходимо все доложить товарищу Менжинскому и действовать по его усмотрению, но затем меня подставили и арестовали.

Вопрос: Вы утверждаете, что Ваше начальство поручило Вам передать господину Штильхе информацию, которая Вам стала известна в результате поездки в Тибет?

Ответ: Я действовал по своему усмотрению. Я имел санкцию о сотрудничестве с Штильхе и конечную цель – новая экспедиция в Тибет, в Антарктиду под финансирование немцев, что, в сущности, и осуществилось. Как я мог заинтересовать его (Штильхе), не рассказав и не показав отчетов об экспедиции, я не представлял.

Вопрос: Кто Вам выдал на руки копии Ваших отчетов?

Ответ: Я их взял сам и вынес из здания. Я считал, что на это мне не понадобится специального разрешения, так как я был их автором и мог бы заново по памяти восстановить все, что в них было написано.

Вопрос: Когда Штильхе собирался прибыть в Москву?

Ответ: В конце ноября сего года. Я должен узнать об

этом точно в германском посольстве.

Вопрос: Признаете ли Вы себя виновным в шпионаже?

Ответ: Нет, я не признаю, я действовал по своему плану и хотел сделать так, чтобы немцы профинансировали новую экспедицию. Они обещали выделить на это около 500 миллионов золотых рублей. Виновным себя не признаю».

Берия отодвинул от себя папку с показаниями Блюмкина и на секунду задумался. Мысли, одна острее другой, проплывали в его сознании. Так, подражая Кобе и стараясь выглядеть мудрым и основательным, он молча просидел несколько минут, хотя все вопросы и ответы у него сложились буквально в первые секунды. Наконец он высказался:

– Может быть, Ягода и все остальные поверили в его искренность. Но я в это не верю. Похоже, он рассказал десятую часть от того, что узнал об оружии в Тибете. Да еще и присочинил от себя. Но... – Берия поднял палец вверх и покачал им перед собою. – Немцы за такую информацию два с половиной миллиона долларов не заплатят. Судя по деньгам, он продал им что-то очень важное, нужное и такое, что можно быстро воспроизвести. И может быть, он продал это не только им, а кому-то еще...

– Троцкому? – стараясь угадать ход мыслей шефа, полутвердительно-полувопросительно сказал Меркулов.

– Кстати говоря, а почему здесь о встрече с Троцким нет ни слова?

– Тут тоже есть загадка! – ответил ему верный Меркулыч. – О Троцком и встрече с ним его тоже допрашивали. Но почему-то по этому вопросу было заведено отдельное дело. Я его тоже достал из секретных архивов.

– Ну-ка, покажи!

Меркулов, как фокусник, достал из своего необъятного портфеля еще одну папку, на которой стояло: «Дело № 46. Блюмкин». А поперек линий чьим-то четким почерком было написано: «Провокатор. Расстрелян 3-го ноября 1929 г. На основании постановления коллегии ОГПУ».

Меркулов раскрыл папку и выложил перед шефом новые листы.

– Слушай, ты лучше мне коротко доложи, в чем тут дело. Некогда особо читать. Кстати говоря, что с постановлением о прокурорском надзоре, товарищ Джугашвили интересовался?

– Постановление готово. Я сам проверил и выправил. Могу доложить...

– Нет. Давай по порядку. Сначала Блюмкин и Троцкий, затем постановление о надзоре.

– В общем и целом, Лаврентий Павлович, ничего особенного. Блюмкин в письме Трилиссеру и в показаниях по делу утверждает, что встретился с высланным из СССР Троцким. Очень долго говорили на общеполитические темы. И как пишет сам Блюмкин:

«Мое общее впечатление от нашего свидания было очень противоречиво. Помню, меня особенно поразила его мысль относительно возможности падения советского режима, но его личное обаяние и драматическая обстановка его жизни, полная незащищенности, отдельные, ловко подсунутые политические опасения – все это меня в моем тогдашнем состоянии взбудоражило».

– Слушай, давай экономя время! Без этих сентиментальностей. Явки, пароли, агентов давай.

– Он утверждал, что привез от Троцкого две книги для передачи жене и сводной сестре. В книгах этих было два письма, «написанные химически на страницах 103 и 329 прилагаемых при сем книг».

– И все?!

– Нет, не все. Блюмкин взялся налаживать связи между троцкистами в СССР и их лидером. Через Ригу, Европу в Константинополь. Фактически наш «демон революции» завербовал «черта революции» Блюмкина. По возвращении в Москву он был принят самим Менжинским и даже обедал у него.

– Вот-вот! То есть вполне возможно, что он не сам отправился к Троцкому. И скорее всего, он врет, как сивый мерин. Вполне возможно, было еще многое, но он решил изобразить фальшивое раскаяние в своих показаниях, чтобы запутать следствие и скрыть истинные причины его встреч. Скажи, а

товарищу Сталину об этом деле известно?

– Да! Двадцать первого октября Ягода и Агранов направили Иосифу Виссарионовичу стенограмму показаний Блюмкина. Судя по пометкам, товарищ Сталин их внимательно прочел и особо отметил вот эти строки. Он даже отчеркнул их двумя чертами, а на полях написал комментарий: «Ха-ха-ха!»

– Дай-ка я почитаю! – Берия потянул бумагу с показаниями к себе.

«Вообще, во мне совершенно параллельно уживались чисто деловая преданность тому делу, которое мне было поручено, с моими личными колебаниями между троцкистской оппозицией и партией. Мне кажется, это психологически допустимо и является объективным залогом моей искренности, когда я это говорю».

Берия, оторвавшись от чтения, заключил:

– Лжет, подлец!

– Мне вообще-то кажется, – заметил Меркулов, – что товарищу Сталину они, Ягода, Трилиссер, Агранов, Бокий, ничего не рассказали о похождениях и показаниях Блюмкина о Тибете и «оружии богов». Они, судя по всему, предоставили ему только ту часть документов, которая касалась Троцкого. Об этом можно судить по постановлению по следственному делу Блюмкина, которое ОГПУ направило на утверждение

Сталину 3 ноября 1929 года. Вот оно.

Меркулов принялся читать:

– «ЦК ВКП(б) Тое. Сталину. На основании заседания коллегии ОГПУ от 3 ноября...»

– он остановился и пояснил шефу: – С 1923 года на Лубянке получили право самим разбирать преступления, совершенные своими работниками. И выносить приговоры.

– Я знаю! – заметил Берия, вставший из-за стола и подошедший к окну.

– Так вот,

«признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58.1, 58.10 УК РСФСР, бывший сотрудник иностранного отдела ОГПУ Блюмкин Яков Гершевич, 1898 года рождения, ранее осуждавшийся за контрреволюционную деятельность в 1919 году. Следствием установлено, что Блюмкин умышленно передавал представителю германской военной разведки важные государственные секреты СССР. В мае сего года он, Блюмкин, имел несанкционированную встречу с Троцким на Кипре.

Прошу утвердить приговор.

Зам. пред. ОГПУ Ягода.

03.11.1929 года».

– На основании такого постановления товарищ Сталин что мог понять? Просто враг народа. Предатель. Троцкист. И расстреляли они его в тот же день. Мигом. Вот выписка из протокола от 3 ноября 1929 года: По следственному делу. Во внесудебном порядке. И приговор. Расстрелять. А вот записка – предписание о похоронах, датированная пятым ноября и направленная администрации Ваганьковского кладбища.

– Видно, торопились они, раз провернули все в один день. Скорее всего, боялись, что Блюмкин разговорится и может рассказать очень многое. Кто его посылал к Троцкому? Какие он передал ему документы? Что он продал немцам, а может, и японцам. И кому-то еще. А так нет человека – нет проблемы. Вот что, Меркулыч, к этому делу надо обязательно вернуться. И разобраться до конца. Тут много липы. И если копнуть глубже, откроется масса интересного для нас и для страны тоже. Поэтому первое, что надо сделать, – разобраться со всеми посвященными в тайну этой экспедиции в Тибет. Сколько их было? Вполне возможно, что найдутся неизвестные факты и документы. Ты поручи это дело Деканозову. Пусть он изучит и подготовит служебную записку. Быстро. И в полном объеме.

– Слушаюсь! – щелкнул каблуками Меркулов.

– И давай быстрее входи в курс. И вот что еще – пусть ученые люди почитают показания Блюмкина. И дадут свой комментарий. Может ли такое оружие существовать вообще? Хотя... – и Берия еще раз покачал головой, – хотя нем-

цы запросто так деньгами не разбрасываются. Значит, что-то было важное. Что же он все-таки продал?

Он помолчал с минуту, подумал и спросил Меркулова:

– А эта женщина, загадочная Маргарита, ну Полежаева. Что с нею?

– Ее осудили тоже решением тройки на десять лет. Но 11 декабря 1929 года ее нашли повешенной в камере.

– Вот как?! Действительно, концы в воду!

III

«Самый лучший «заезд», так же как и сон, бывает по утрам!» – подумал Лаврентий, переворачиваясь на правый бок и прислушиваясь к дыханию жены.

«Спит или не спит? – гадал он, чувствуя острое, жгучее желание близости, которое волнами поднималось в нем. – Намекнула бы, что ли? Прижалась бы!» – маялся он, слушая ровное сопение Нино. И уже было совсем собрался потянуть руку к ней под одеяло, но передумал, понимая, что дальше все будет как вчера.

А вчера и позавчера и много дней подряд было одно и то же. Нино просыпалась. Недовольно ворчала. Потом шла в ванную. Долго плескалась. Все это время он ждал, чувствуя, как уходит желание, а вместо него поднимаются раздражение и злость. К моменту, когда она наконец «освеженная» являлась, чтобы его «осчастливить», ему уже было не до «люб-

ви». Он готов был разорвать ее на части.

Поэтому он шумно вздохнул и, рывком вскочив с кровати, пошлепал по коридору, утешая себя тем, что сегодня обязательно наверстает упущенное.

Для внешнего мира у него в семье все прекрасно. Много лет назад он, молодой партийный выдвиженец, сделал неожиданное предложение девушке из старой грузинской знати. Она согласилась. Тогдашние революционеры-аристократы его брак не одобрили. Дурачье! Они даже не понимали, что времена переменились. И те, кто так гордился своим княжеским происхождением, своими предками, сегодня могли оказаться в яме только за это самое происхождение.

А приблизились к власти такие, как он, безродные крестьяне, бедняки.

Жена его была красавица и умница. Красивая настоящей грузинской красотой, которая проявляется в породе. Порода эта конденсировалась веками, когда мужчины рода Гегечкори из поколения в поколение женились только на первых красавицах. Таких, о которых Пушкин писал в сказке о царе Салтане: «...ведь жена не рукавица, с белой ручки не стряхнешь и за пояс не заткнешь». Такая ему и была нужна – строгая, умная, целеустремленная. Чтобы дом держала.

А вот по части любовных утех все в его жизни складывалось по-другому. Молодому горячему чекисту не по душе были ее строгие патриархальные представления, привитые в семье Гегечкори. Как-то он довольно поздно привел

домой свою будущую жену со свидания. Дверь им открыла родственница, у которой жила Нино. И родственница так рассердилась за позднее возвращение, что огрела Лаврентия палкой по спине. И он стерпел. Понимал: такие нравы. А тут еще разность темпераментов...

В таких размышлениях проходило это весеннее утро Лаврентия Павловича. Вот уже Надарая захлопнул за ним дверцу «паккарда», вот уже понеслись за окном машины виды Москвы. А он все вспоминал.

«Ходить налево» и «прихватывать» со стороны он начал на работе, что было самым распространенным тогда вариантом. Со временем все становилось проще. В первые годы после революции вообще господствовала теория «стакана воды»: секс, мол, такое дело – без обязательств. Выпил «стакан» и пошел дальше. Ну и, соответственно, главное – держись за десять половых заповедей пролетариата. Особенно за первую – ни в коем случае не вступай в связь с социально чуждыми элементами. А все остальное можно. Тем более можно, если тебе нужно.

«Ах, Вардо! Вардо! Какая была ягодка-малинка», – вспомнил Лаврентий своего личного секретаря Вардо Максимелашвили...

А начались их отношения очень интересно. Юная красавица, полная жизни и огня, черноволосая и белокожая Вардо, небольшого росточка, округлая во всех местах, вызывала у него жгучее чувство. Особенно возбуждало Лаврентия то,

как сидела на ней форма. Нежное, небесное создание в грубой гимнастерке, юбке и сапожках. Такой сногшибательный контраст (это потом будет названо стилем милитари) будил воображение Берии. Конечно, она так и млела, так и таяла под горячим, магическим взглядом шефа, когда заходила к нему в кабинет. Но он не позволял лишнего. Понимал: за ними наблюдает Грузчека.

Однако эта игра в кошки-мышки продолжалась недолго.

У Берии была привычка приезжать на работу раньше всех, когда в здании еще никого не было. И она об этом узнала. И тоже стала приезжать пораньше.

Так что стоило ему только зайти к себе в кабинет, сесть в кресло, как минут через пять в дверь проскальзывала плотная девичья фигурка.

Конечно, он первый раз смутился. Но она знала, зачем пришла. И крутилась возле него.

«Что же вы так рано? Что ж вас жена отпустила без завтрака? Вам чаю?»

А он, как загнанный в ловушку зверь, вертел головой, потел и чувствовал ее соблазнительный запах. Запах юного тела, смешанный с чуть ощутимым запахом духов и сапожного крема.

Он и не заметил, как она уже сидела у него на коленях в своей форменной юбочке и ловила его губы своими розовыми губками. И все. Уже не было сил согнать эту маленькую нахалку. Не было сил противиться этим скользящим влаж-

ным губам... И как-то он не выдержал. Застонал, как раненый, – рывком вскочил из кресла вместе с нею на руках и понес ее в комнату отдыха, где стоял огромный, черный, «как у Кобы», пуленепробиваемый диван...

Так и повелось с той поры. Иногда он уезжал с нею в горы. Там у него был небольшой домик. Но у него ни разу даже не возникало мысли или желания уйти из семьи.

Не то что семья – это святое. Нет, конечно! Просто это были две разные жизни. И Лаврентий у себя в голове никогда их не смешивал. Четко разделял...

Сюда, в Москву, он ее не взял. Выдал замуж за хорошего человека. Пропустил Вардо через разведшколу и собирался отправить их обоих за границу, в Турцию, – работать нелегалами...

Да и времени прошло немало. А однообразие, даже такое прекрасное, утомляет.

Здесь же, в столице, нравы другие. Надо как следует сначала приглядеться. Понять что да как. А уже потом правильно выстроить свою личную жизнь. Потому что он теперь в большой политике. На виду. Здесь один раз оступишься, и тебя тут же подтолкнут.

Лаврентий вспомнил свою жизнь в Грузии и слегка загрустил. Золотое времечко. Он хозяин. Первый секретарь. Можно сказать, «проконсул империи» в целом государстве. У него прекрасный дом в Тбилиси, свой поезд, на котором он путешествует с соратниками. Поездки в командировки, осо-

бенно в Москву, были долгие. Через Баку, помнится, ехали пять дней. Вагоны все первого класса, с диванами, чистым бельем. Свой повар, который готовил так, что можно было язык проглотить. Ну а чтобы нескучно было – женщины. Молодые, красивые. По дороге завезут новенькую. Первый день она у него в купе. Ну а потом он передает ее ребятам, чекистам, чтоб отдыхали.

На следующей крупной станции ее высадят, посадят новую. На следующей еще.

Вспомнив одно из таких путешествий, бывший «проконсул» Закавказья довольно усмехнулся. Представилась Зоида – Зойка. Так звали ту курчавую, смуглую, горячую, как острый красный перец, который он любил жевать за обедом. Они уже подъезжали к Тбилиси. На перроне жена должна была встретить его. А та выходить не хочет. Еле они ее выгнали тогда. Так она орала на перроне. Ох, как орала она... И Лаврентий вздохнул, повторив про себя: «Золотое было время».

Он отстроил Тбилиси. Осушил болота. Насадил чайные и мандариновые плантации по всей Грузии и Абхазии. А теперь вот вроде повышение. Но тут он не главный. Тут он винтик огромного механизма, который создает сам Хозяин. И у него не забалуешь.

Раньше за ним была закреплена квартира в Москве, в Троицком переулке. И как только он приезжал в командировку, она заполнялась народом. Естественно, начиналась пьянка,

опять же женщины – куда без них. Дым коромыслом. А теперь нельзя. Теперь он здесь живет. И ему надо понять, где границы. И вообще – есть ли они, эти границы? Многие этого не понимали и в итоге погорели...

...Ну вот. Приехали. Лаврентий Павлович, как обычно, прошел через приемную к себе в кабинет. Удобно устроился в кресле. Нажал кнопку звонка.

На пороге появился Людвигов с огромной папкой документов.

Как всегда, рабочий день начинался с них. С ознакомления. В эту папку, похожую на ящик Пандоры, стекалось все. Вся информация с огромной страны. Что где случилось? Какой заговор? Саботаж? Кража? Ограбление? Перестрелка?

Но в первую очередь Берия обращал внимание на «контриков». На то, как идет чистка «авгиевых конюшен», доставшихся ему от предшественника Николая Ежова.

Ежов уже сидит. В отдельной камере. И дает показания о том, как они с Фриновским пытались противостоять воле вождя. Как мечтали в последние месяцы перед арестом устроить покушение на Кобу и на него – нового наркома внутренних дел. Не вышло. И «железный нарком», от фамилии которого, как говорят, пошло идиоматическое выражение «держат в ежовых рукавицах», теперь пишет покаянные письма из подвала.

Людвигов открыл папку и положил на стол отдельный белый плотный конверт, на котором рукой Джугашвили каран-

дашом было написано: «Т. Берия. Для ознакомления».

Лаврентий Павлович отпустил начальника секретариата, аккуратно ножницами надрезал край конверта и достал несколько листов, исписанных почерком своего предшественника.

В голове у Лаврентия Павловича после всех размышлений о судьбе бывшего грозного наркома завертелась смешная, как ему показалось, присказка, перепевающая библейский «речитатив»: «Как у них там... Кажется, так: «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду и братьев его...» или не так? Впрочем, какая разница? А у нас Ягода убил Рыкова, Ежов убил Ягоду, Берия убил Ежова... Э-э, так не пойдет. Если так, то кто-то убьет Берию... Эту смертельную карусель надо остановить! Ну, так что нам рассказывает на этот раз Николай?»

«Заявление арестованного Н.П. Ежова в следственную часть НКВД СССР

24 апреля 1939 года.

Считаю необходимым довести до сведения следственных органов ряд новых фактов, характеризующих мое морально-бытовое разложение. Речь идет о моем давнем пороке – педерастии.

Начало этому было положено еще в ранней юности, когда я жил в учении у портного. Примерно лет с 15 до 16 у меня было несколько случаев извращенных половых актов с

моими сверстниками – учениками той же портновской мастерской. Порок этот возобновился в старой царской армии во фронтовой обстановке. Помимо одной случайной связи с одним из солдат нашей роты у меня была связь с неким Филатовым, моим приятелем по Ленинграду, с которым мы служили в одном полку. Связь была взаимноактивная, то есть «женищиной» была то одна, то другая сторона. Впоследствии Филатов был убит на фронте. В 1919 г. я был назначен комиссаром 2-й базы радиотелеграфных формирований.

Секретарем у меня был некий Антошин. Знаю, что в 1937 г. он был еще в Москве и работал где-то в качестве начальника радиостанции. Сам он инженер-радиотехник. С этим самым Антошиным у меня в 1919 г. была педерастическая связь взаимноактивная.

В 1924 г. я работал в Семипалатинске. Вместе со мной туда поехал мой давний приятель Дементьев. С ним у меня также были в 1924 г. несколько случаев педерастии активной только с моей стороны.

В 1925 г. в городе Оренбурге я установил педерастическую связь с неким Боярским, тогда председателем Казахского облпрофсовета. Сейчас он, насколько я знаю, работает директором художественного театра в Москве. Связь была взаимноактивная.

Тогда он и я только приехали в Оренбург, жили в одной гостинице. Связь была короткой, до приезда его жены, ко-

торая вскоре приехала.

В том же 1925 г. состоялся перевод столицы Казахстана из Оренбурга в Кзыл-Орду, куда на работу выехал и я. Вскоре туда приехал секретарем крайкома Голощекин Ф.И. (сейчас работает Главарбитром). Приехал он холостяком, без жены, я тоже жил на холостяцком положении. До своего отъезда в Москву (около 2-х месяцев) я фактически переселился к нему на квартиру и там часто ночевал. С ним у меня тоже вскоре установилась педерастическая связь, которая периодически продолжалась до моего отъезда. Связь с ним была, как и предыдущие, взаимноактивная.

В 1938 г. были два случая педерастической связи с Дементьевым, с которым я эту связь имел, как говорил выше, еще в 1924 г. Связь была в Москве осенью 1938 г. у меня на квартире уже после снятия меня с поста Наркомвнудела. Дементьев жил у меня тогда около двух месяцев.

Несколько позже, тоже в 1938 г., были два случая педерастии между мной и Константиновым. С Константиновым я знаком с 1918 г. по армии. Работал он со мной до 1921 г. После 1921 г. мы почти не встречались. В 1938 г. он по моему приглашению стал часто бывать у меня на квартире и два или три раза был на даче. Приходил два раза с женой, остальные посещения были без жен. Оставался часто у меня ночевать. Как я сказал выше, тогда же у меня с ним были два случая педерастии. Связь была взаимноактивная. Следует еще сказать, что в одно из его посещений

моей квартиры вместе с женой я и с ней имел половые сношения.

Все это сопровождалось, как правило, пьянкой.

Даю эти сведения следственным органам как дополнительный штрих, характеризующий мое морально-бытовое разложение.

24 апреля 1939 г. Н. Ежов».

«И ты, Филя! – дочитав показания Ежова, пробормотал Лаврентий Павлович. – Кто бы мог подумать, что такой пламенный коммунист, как Голощекин, организовавший убийство царской семьи, тоже оказался маньяком-извращенцем. Ну ладно, с ним мы еще разберемся. А что тут еще? А, это подтверждающие показания подельников...»

Нарком продолжил читать содержимое конверта.

«Использовал свою конспиративную квартиру по линии НКВД на Гоголевском бульваре как наиболее удобное место для свиданий и интимных связей с женщинами».

«Да, наш пострел везде поспел. – Берия отложил документы, и опять поплыли в голове воспоминания и размышления. – Да... традиции продолжают. Петерс Яша держал при себе «секретарш» и время от времени обновлял состав. Приезжал в провинцию и ставил местному начальству ультиматум: «Старых» пристроить на работу. А мне доставить

НОВЫХ».

Бокий Глебуска организовал в Кучине «коммуну», куда собирались на выходные «товарищи». И все вместе с женами «гуляли». Ходили по участку голые, пьянствовали, ходили в баню и участвовали в оргиях, имитировали казни. И ничего не стеснялись. Даже детей. Несовершеннолетние дочери Бокия тоже участвовали во всей этой вакханалии.

Но зачем Коба сам прислал мне этот протокол? Предупреждает? Говорит – не будь таким, как Николай? Или будь беспощаден к этому мерзавцу? Хотя разве он один такой? Еще в марте расстрелян Енох Иегуда. Всемогуший глава НКВД. Первый генеральный комиссар госбезопасности, известный под псевдонимом Генрих Ягода. Родственник великого Свердлова, из евреев, принявших крещение, чтобы выбраться за пределы черты оседлости, сделавший карьеру в результате брака с племянницей всемогущего революционера. Интриган высшего полета. Громил троцкистов и зиновьевцев. О его путанах и оргиях ходили легенды. И говорили всегда шепотом. Когда его арестовали и у него прошли обыски, следователи обнаружили много чего: несколько тысяч бутылок прекрасных дорогих вин, коллекцию порнографических фотографий. А также массу шуб, шапочек, шляпок, меха, антиквариат и другие ценности. Да, суровый был чекист. Как там у Дзержинского? С холодной головой, чистыми руками и пламенным сердцем?..»

Размышления главы НКВД прервал телефонный звонок.

Звонил Деканозов с вопросом: не хочет ли Лаврентий Павлович ознакомиться с работой школы разведчиков, которую они недавно открыли?

Ну что ж. Он с удовольствием съездит на место, дабы убедиться, что работа, к которой он, как говорится, тоже руку приложил, налаживается.

Уже с конца тридцать восьмого он начал масштабную реформу разведки. Его задачей было создать работающую как часы государственную службу. Изгнать из внешней разведки политиканов и интриганов. Разобраться с репрессированными. Вернуть в строй тех, кто уцелел, реабилитировать честных сотрудников, восстановить обескровленные резидентуры и, главное, влить свежую кровь с помощью спецнаборов и обучения в школах НКВД.

Одной из таких школ и была созданная под Москвой Школа особого назначения. Как-то после доклада Сталин поинтересовался у бывшего начальника внешней разведки, как идут дела с подготовкой личного состава, и предложил открыть одногодичную специализированную школу для профессионалов человек этак на тридцать.

И с этого все началось. Но бывшего арестовали в прошлом году. И продолжать пришлось уже новому человеку – его человеку, Деканозову, который теперь хотел показать плоды своих трудов. Ну что ж, можно и посмотреть...

Красивый мощный «паккард» наркома пришлось оставить у дороги и дальше идти несколько километров пешком, потому что засекреченная школа находилась в глухом лесном массиве Подмосковья. Живописная восточная компания, состоявшая из Берии, смуглого лысеющего крючконосого армянина Деканозова, статного грузина с чаплиновскими усиками над верхней губой и густой шапкой волос – начальника школы Шармазанашвили, а также неизменно-го адъютанта шефа, начальника охраны Саркисова, пробиралась по лесу целый час.

– Что ты меня втравил в это дело? Если бы я знал, не поехал бы, – возмущался Берия, отчитывая Деканозова.

Тот терпеливо отмалчивался, хотя, судя по всему, тоже не ожидал такого марш-броска. Наконец Деканозов высказался в ответ на упреки Лаврентия Павловича:

– Была команда – расположить школы в самой глуши, чтобы никого вокруг не было. Так и сделано. Да, вот, похоже, уже и дошли.

Он показал пальцем на глухой пятиметровый забор, выкрашенный зеленой краской.

Шармазанашвили прошел вперед, по-особенному постукал кулаком в глухую калитку и назвал пароль.

Калитка немедленно открылась, и пришедшие, шагнув че-

рез порог, оказались на территории ШОН, как сокращенно называлась созданная в октябре 1938 года при иностранном отделе НКВД Школа особого назначения.

Название, конечно, было звучное. А вот сама школа выглядела вполне обычно. На очищенной от глухого леса поляне стояло неказистое двухэтажное деревянное здание. Впереди – этакий фасад-портик с четырьмя квадратными колоннами и балконом на втором этаже. Покатая крыша, крытая тесом. Над треугольным фронтоном – герб.

К зданию вела широкая бетонированная аллея, по бокам которой росли сосны и березы. Школа была похожа на дворянскую усадьбу помещика средней руки. Не зная настоящего назначения, в жизнь не догадаешься, что это.

– Комары тут вас не заедают? – спросил Лаврентий Павлович начальника школы.

– Лютуют. Но мы как-то привыкли уже.

– А они к вам? – шутя спросил Берия.

– Привыкают, но плохо. Так и норовят присосаться.

– Ну, давай показывай, рассказывай, что тут у вас?

И Шармазанашвили повел их по территории, по ходу дела сообщая о деятельности школы:

– Слушатели, а у нас на потоке около тридцати человек, находятся на казарменном положении. Обучаются по очень насыщенной программе. Люди подбираются по рекомендации партийных органов. Обычно из числа молодых коммунистов и комсомольцев. Как правило, с высшим образова-

нием. Это выпускники технических и гуманитарных вузов Москвы, Ленинграда, Киева, Минска. Проходят собеседование в горкомах партии. Потом в ЦК ВКП(б). Опыта, конечно, нет. Но мы стараемся привлекать хороших практиков.

– Какие предметы ведете?

– Главное, конечно, – это языки. Если кого и исключаем, то только за неспособность освоить иностранный язык. Занятия ведут в основном носители языка – эмигранты. Учат особенностям поведения, манерам, открывающим доступ в высший свет.

– А как быт устроен? – спросил дотошный Деканозов.

– Сами видите. На уровне. Правительство выделило на обустройство школы немалые деньги – полтора миллиона рублей.

Деканозов присвистнул.

– Люди у нас неизбалованные. Выходцы из рабочих и крестьянских семей. А тут у них красивая и удобная мебель. Вокруг ковры, картины, люстры. Теплые одеяла, чистое постельное белье.

– В общем – живи не умирай, советский крестьянин! – сыронизировал Берия.

Они зашли в столовую школы, где уже расставляли на белоснежных скатертях изысканные сервизы из дворцовой посуды.

– Необычная обстановка обязывает людей, подтягивает, призывает к аккуратности, дисциплине.

– Это хорошо! – заметил нарком, судя по всему, впечатленный увиденным и, как говорится, сменивший гнев на милость и по отношению к начальнику ИНО Деканозову.

– Это хорошо, – повторил он с легким грузинским акцентом. – Кстати, ты не забыл о моем поручении? Я жду докладную по делу этого мерзавца Блюмкина. Что-то ты тянешь.

– Она практически уже готова. Осталось только проверить некоторые факты, – ответил тот.

– Неделью тебе еще сроку!

– Будет сделано!

– Покажи мне товар лицом! – снова обратился Лаврентий Павлович к начальнику школы. – Где люди-то?

– Все на занятиях в классах! Пройдемте ко мне в кабинет. Я вызову кого пожелаете.

Вся группа, стараясь не шуметь и не мешать учебному процессу, поднялась по лестнице на второй этаж в кабинет Шармазанашвили.

Расселись в удобных креслах. Начальник убрал лишние бумаги, лежавшие на столе, в ящик и попросил дежурного пригласить первого курсанта.

Первым зашел молодой красивый хлопец с аккуратно зачесанным набок чубом, тонкими черными бровями и маленьким ртом. Весь такой беленький и кругленький. Одетый, как все, по форме – белый верх, черный низ. Представился официально:

– Курсант Анин по вашему приказанию прибыл!

Берия уловил легкий говорок. Спросил:

– Из Рязани?

– Так точно, товарищ народный комиссар.

Нарком стал допытываться у курсанта о биографии, родственниках. Вспомнил, что из Рязани был и Есенин. Спросил, не пишет ли курсант Анин стихи. На какое направление его готовят...

– Арабские страны, – ответил курсант.

– А как с языком? – спросил Деканозов.

Курсант сбился с официального тона и горестно произнес, разводя руками:

– Ой, тяжело, батька! С ума можно сойти!

Все присутствующие дружно рассмеялись.

Следующим был сухощавый молодой парень с резко очерченным скуластым лицом и зачесанными назад густыми русыми волосами, которые открывали высокий лоб, нависший над глубоко посаженными глазами.

Он вошел и представился:

– Слушатель Школы особого назначения, специальное отделение, Фитин Павел Михайлович по вашему приказанию прибыл.

Берия посмотрел в лежащее рядом на столе личное дело слушателя. Прочитал данные: «Родился 28 декабря 1907 года в селе Ожогово Курганской области. После окончания начальной школы работал в сельхозкоммуне в родном селе. Здесь же вступил в комсомол. Окончил среднюю школу и в

1928 году поступил в Сельхозакадемию имени Тимирязева. На инженерный факультет. Окончил учебу в 1932 году. С 1932 по 1934 год работал заведующим редакцией издательства «Сельхозгиз». В 1934–1935 годах служил в Красной армии. После ухода в запас до 1938 года работал в том же издательстве уже заместителем главного редактора.

В марте 1938 года направлен по партийному набору на учебу в высшую школу НКВД. Заканчивает специальные ускоренные курсы в Школе особого назначения, готовящей кадры для высшей разведки...»

– Хорошая анкета! Чистая! – пробормотал Берия.

И задал простой вопрос:

– Ну что, курсант, тебе здесь интересно?

И моментально увидел реакцию живого человека, который, видимо, ждал какого угодно вопроса о родителях, о партии. А тут... Но Фитин собрался и ответил коротко:

– Конечно, товарищ народный комиссар! – и помолчав, добавил: – Очень...

Они поговорили еще о том, куда курсант готовится, как дается язык, хватает ли еды, умеет ли он писать статьи. И в ходе этого разговора, который поддерживали то начальник школы, то начальник ИНО, Берии стало ясно, что в школе действительно собраны способные, а главное – преданные делу люди.

Прощаясь с Владимиром Харитоновичем Шармазановым, довольный Берия сказал Деканозову:

– Ты вот что, возьми этого парня после окончания стажером в пятый отдел Главного управления государственной безопасности. Надо его посмотреть...

Возвращались в Москву, когда уже начало вечереть. Сидя на заднем сиденье, Лаврентий Павлович думал об увиденном:

«Какая разница в людях. Вот эти – Блюмкин, Бокий, Трилиссер, да и Менжинский, Ягода... Все эти революционеры... Накипь, поднятая революцией, пена. Грамоты – ноль, а амбиции выше крыши. И что они умеют, кроме как плести интриги, делать заговоры?

На смену им придет новое поколение. Чистые, ясные, готовые выполнить любое задание, не колеблясь. Преданные партии. А эти... Вот Люшков бежал к японцам. Все продал, всех сдал. И где его революционная сознательность? И таких Люшковых, затаившихся, – сколько?

Лучше перебдеть, чем недобдеть! А оставь их на свободе – они начнут тут же плести заговоры, интриги, готовить убийства. Чем они и занимались до революции, в революцию, всю Гражданскую войну. Вот Фриновский, зам Ежова, в Гражданскую как сражался! А здесь притух, а главное – протух как человек. Подговаривал Николая на убийство... Как таких оставлять? Надо чистить...

А таких много. Ой как много! Погрязших... Хоть Коба и не особо блюдет нравственность, не считает большим грехом, например, плотскую любовь, да и выпивку, но когда уж

совсем переходят все грани...»

Берия вспомнил присланное Сталиным покаянное письмо Ежова.

«Да, а самая верхушка как себя ведет? Старый революционер, близкий друг Кобы, секретарь ЦИК Амель Енукидзе до чего дошел! Был в ссылках, семь раз его арестовывали царские жандармы. Из простой ведь семьи. Сменил арестантскую робу на кремлевский кабинет и буквально погряз в роскоши и разврате. Вместе с Калининым не вылезают из Большого театра. Нередко навещаются туда на репетициях. Приглянувшуюся балеринку вызывают к себе в ЦИК. Договариваются. И после выступлений понравившихся артисток везут в кабинеты. Говорят, что те скидывают балетные пачки и нагие исполняют фуге на письменном столе...

Енукидзе – тот подбирал любовниц все моложе и моложе. Дошел до десятилетних девочек. Развращал их если не физически, то морально. Создал своеобразный гарем. И все ему сходило с рук. До тех пор пока он не пошел против самого Хозяина. Вступился за Зиновьева-Радомысльского Овсей-Гершен Ароновича и за Каменева-Розенфельда Льва Борисовича».

Берия обычно про себя называл людей по их настоящим фамилиям и именам, а не по придуманным революционерами псевдонимами, потому что считал, что настоящие, данные при рождении имя и фамилия более правильно и точно выражают суть человека, нежели принятая им для маски-

ровки подпольная кличка.

«Да, выступил в защиту. И сразу Коба ему заявил: «Запомни, Авель, кто не со мной, тот против меня!» И все. Хотя и связывала их старая мужская дружба, основанная на любви к юным, скорее даже чересчур юным, особам, но ударил его Хозяин именно за эти очевидные для всех признаки бытового и морального разложения. Исключили его из партии, изгнали из ЦК. И опустили на низовую работу. Потом он еще побарахтался, и дело о педофилии потонуло в череде других «смертных грехов», которые ему уже навесили. Тридцать седьмой Авель уже не пережил. А вот Калинин живет и здравствует. Как жил и великий пролетарский писатель. В одной квартире с женой и сразу двумя любовницами...

Значит, в чем здесь дело? А в том, что в бытовом плане никто тебя не будет трогать, если ты «не суешь нос туда, куда не надо» в политическом плане. Не лезь в политику, не противься воле генсека – и можешь спокойно развлекаться как хочешь! Вот это главное, что надо было мне понять. Человеку из провинции. Верному нукеру Хозяина».

В этот момент автомобиль наркома въехал под своды кремлевской башни и устремился к подъезду. И обогащенный новым пониманием ситуации во взаимоотношениях с Хозяином, Берия отправился на очередные посиделки к нему в кабинет. Начинался рабочий день, вернее, рабочая ночь вождя. И все знали, что часов до трех-четырёх утра нужно быть готовым ко всему.

IV

Он вспомнил до мельчайших подробностей весь ночной разговор со Сталиным. Тот уже особо не вуалировал происходящее: «Впереди у нас маячит война. Конечно, мы активно готовимся. Но... у нас есть один вопрос, который во время этой войны может выйти СССР боком. Это вопрос Троцкого. Может оказаться так, что и он, и его сторонники станут на сторону наших противников во время этой войны. Мы должны действовать сейчас. Превентивно. Фактор Троцкого не может довлеть над нами вечно...»

Вернувшись от Хозяина с этой задачей, Лаврентий Павлович понял, что операция «Утка» по ликвидации зловерного Лейбы Давидовича Бронштейна – это особая забота вождя. Провалить ее нельзя. И стал размышлять на тему, кто может сделать эту непростую работу:

«Конечно, у меня имеется огромный опыт по работе в ВЧК в Закавказье, но есть одна сфера, в которой я, образно говоря, не понимаю ни черта. Это внешняя разведка. Дальняя разведка.

Там, в Грузии, у меня, конечно, был какой-то опыт по этой части. Но дела с политэмигрантами, борьба с буржуазными перерожденцами, конечно, не могут идти ни в какое сравнение с теми масштабами и задачами, которые стоят сейчас. Кобе проще – он поставил задачу. А как и кому выполнять ее

– это, как говорится, моя профессия. Может, надо поискать в Коминтерне? Там есть мастера на все руки. Ведь Коминтерн – это такая организация, о которой мало кто чего знает. Для масс она известна по фильму «Чапаев». Когда Василия Ивановича спрашивают, за кого он, «за большевиков али за коммунистов», тот решительно отвечает: «Я за Интернационал!»

* * *

Коммунистический интернационал свил после октября 1917 года в России свое прочное гнездо. И многие, а скорее всего большинство населения России, даже и не представляли себе, что это такое. Не понимали, что с точки зрения «мирового революционного процесса» Коминтерн намного главнее Советского государства.

Точнее сказать, Советское государство, по замыслу создателей этой организации, – это только некое временное образование, такой лагерь, из которого коммунисты всего мира пойдут походом к построению новой жизни на всей планете Земля. И партия здешняя, правящая в России, всего лишь одна из партий, всего лишь секция III Интернационала.

Коминтерн же – это некая надгосударственная структура. Центр земной будущей коммунистической империи. И решения, директивы Коминтерна должны выполняться правительством СССР. А не наоборот.

Для Лаврентия Павловича тоже только сейчас, когда ему понадобилась помощь этой гигантской структуры в весьма щепетильном деле, начали открываться масштабы и сама деятельность данной организации.

«В Коминтерне штатно работают и получают зарплату почти триста тысяч человек. Для сравнения – у меня в наркомате их меньше на порядок. Оргструктуры этого международного монстра находятся более чем в сорока странах, и получают они там вовсе не продуктовые пайки, как здесь, а настоящую полноценную валюту. Валюту, которую СССР добывает, продавая буржуйам все, что может продать, – начиная от леса, пеньки, угля и заканчивая драгоценностями царской семьи. Сотрудники Коминтерна ни перед кем не отчитываются за те большие деньги, которые они получают на проведение своих операций. У них нет проблем с выездом в любые страны.

Какая же основная задача у этой чудесной организации, в которой собрались революционеры со всего света?

А главная их задача – продвигать коммунистические идеи по всему миру и совершать революции везде, где это возможно. Все в соответствии с завещанием великого мыслителя Карла Маркса».

В последние годы он, Лаврентий Берия, конечно, заметил, что мудрый Коба уже не так любит своих бывших соратников. После того как он изгнал из страны самого яркого из «гусаров революции» Бронштейна, продвигает новую идею.

Для него теперь важна не «мировая революция» как таковая, а построение социализма в отдельно взятой стране. А он, Лаврентий Берия, конечно, прекрасно чувствует, откуда дует ветер. Чувствует так же, как и миллион номенклатурных коммунистов в СССР. Зачем им мировая смута, в которой еще надо уцелеть? Зачем им перманентная борьба на пределе сил, когда уже есть под руками огромная страна, а под задницей крепкий стул или кресло?

Поэтому многие вслед за Кобой посматривают на III Интернационал искоса. Пока приглядываются. Взвешивают, как говорится, убытки и прибыли от существования этой гигантской организации, которую пока щедро оплачивают советские трудящиеся. Оплачивают всё. Всю систему баз, производств и учебных центров. В Подлипках, например, производят бумагу, из которой можно фабриковать поддельные паспорта и удостоверения. Делают там и специальные чернила для тайнописи. В Ростокине есть радиоцентр для связи со всеми заграничными группами. В Пушкине – школа, где учат тайнописи, шифровальному и радиodelу. Еще несколько школ готовят диверсантов, убийц, похитителей людей.

Но это низший слой. Коминтерн вербует и интеллектуалов. Агентов влияния. Готовят в Коминтерне и будущих вождей освобожденных народов. Для этого созданы высшие учебные заведения, коммунистические университеты, Международная ленинская школа. Из них вышли руководители

многих коммунистических партий Запада и Востока...

На все нужны деньги, деньги... Бюджеты братских компартий требуют золота. Точнее, золотых рублей. В двадцать первом году немцам выделили пять с половиной миллионов марок на неудавшуюся революцию 1923 года. В ноябре 1921 года Фрунзе отвез миллион рублей золотом Кемаль-паше на продвижение Турецкой революции...

В двадцать втором, в марте, после ограбления церквей по всей России Коминтерну распределили пять миллионов пятьсот тысяч золотых рублей. Немало перепало революционерам в Корее, Эстонии, Финляндии, Латвии... На деньги России создавались и новые компартии. В Британии, Италии, Соединенных Штатах...

Отчетности не требовали. Ведь дела-то секретные. «Доверенные» люди получали наличные, писали расписки. И... деньги растворялись... Сколько международного жулья попользовалось «деньгами Коминтерна», никто толком не знает. Ходили только слухи. Некий товарищ «Томас», он же «Джеймс», а на самом деле Яков Самуилович Рейх привез в Германию в деньгах и драгоценностях сумму, равную семидесяти миллионам марок. В конце концов его фантастически роскошная жизнь подверглась ревизии. В его квартире проверяющие находили деньги в чемоданах, шкафах, в картонных коробках...

Но была от этой организации и польза. Из нее вербовались шпионы очень высокого класса. Он лично, Лаврентий Пав-

лович, знал таких немало. Например, Зорге – немецкий коммунист. Или еще один немец – Треппер. Конечно, доверять им трудно. Кто из них дает правдивую информацию, а кто гонит дезу – отличить очень сложно. Приходится подстраховываться. Например, жену Зорге на всякий случай посадили. Для обеспечения верности...

Недавно он вызвал в Москву почти всех резидентов из зарубежья. Многих пришлось просто уволить. Кого-то расстрелять. А почему? А потому, что нет стопроцентного доверия этим выкормышам из Коминтерна. Приходится страховаться по каждому поводу. А что делать? Лучше перебдеть, чем недобдеть.

Но теперь вот они понадобились. Для ликвидации Льва Давидовича придется прибегать к их услугам.

«Ох, скорей бы заработали новые кадры, которые мы набираем в спешном порядке. – Лаврентий Павлович призадумался, снова вспомнив всю эту историю с коминтерновцем Блюмкиным. – Ничего! Скоро мы избавимся от этих мутных кадров. А пока... Пока пусть займутся Бронштейном. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Так и доложу Хозяину. Оттуда подберем нужных людей. И направлю не одну группу, а сразу две. Чтобы наверняка».

V

«У каждого есть свои скелеты в шкафу! Кто мог тогда, в

годы революции и Гражданской войны, знать, за кем будет победа? А я, тогда молодой, совсем молодой парень, очень хотел власти. В любой форме. И работал для этого. Одно время даже пришлось служить у тех, кого сегодня все проклинаяют. Мусаватистов. Недолго. Но когда я стал возвышаться, враги это припомнили.

Мне и в голову тогда не могло прийти, что служба в контрразведке мусаватистов будет компроматом на меня и дамочным мечом десятилетиями висеть над головой. И враги будут постоянно вытаскивать этот факт, чтобы меня погубить.

Но выкусили! Здесь я их окоротил вовремя! Сообразил, что к чему». Берия довольно усмехнулся. Еще работая в Тбилиси, он подготовился к защите. Вызвал к себе верного Меркулыча и отправил его в Баку. Там, в партийном архиве, Меркулов нашел папки с документами за 1919 год. Это были протоколы Бакинского комитета партии – просто четвертушки бумаги, которые доказывали, что Берия не виноват, а работал в контрразведке по заданию партии. Тогда же он вовремя запасся характеристикой от старого члена партии большевиков Вирапа и эти бумаги до поры до времени хранил в сейфе. И вот они понадобились! Товарищ вождь потребовал объяснение. И хочет, чтобы нарком его дал сейчас же.

В кабинет без доклада вошел Меркулов.

– Вызывали, Лаврентий Павлович? – старорежимно-фа-

миллиардно спросил он.

— Вызывал. Ты помнишь те папки из Баку, которые лежали у меня в сейфе. Где они?

— Я, как вы и просили, когда уезжали в Москву, разобрал все ваши бумаги и сложил их в мешки из бязи. Запечатал и отправил сюда фельдсвязью. Так что они здесь, у меня в сейфе, зашиты в мешках...

— Принеси ко мне. Будем писать объяснение товарищу Сталину. Опять враги клеветают на меня...

Меркулыч вышел и вернулся с нужной папочкой, сел к приставному столику в кабинете наркома. А Берия начал комментировать имевшиеся в папке документы.

Так вдвоем они поработали с полчаса. Берия наконец закончил диктовку утверждением, что он никогда в мусаватистской разведке не состоял. Потом взял лист у Меркулова, перечитал текст, внес поправки и собственноручно переписал его.

Пробормотал:

— Ну, вот и все.

Сложил все документы к себе в портфель, отпустил Меркулова и спустился вниз, к машине. Он торопился на Ближнюю дачу. В Кунцево.

Ближняя дача, любимая резиденция вождя, находилась в Подмосковье. Но ехать из центра Москвы до нее было совсем недолго, минут двадцать.

Машина наркома притормозила у ворот. Часовой глянул в салон, козырнул, и «паккард» мягко покатил по главной аллее к зеленому двухэтажному зданию, похожему то ли на помещичью усадьбу средней руки, то ли на сухопутный паром с двумя рядами окон.

Лаврентий Павлович уже бывал здесь. Ему, архитектору по специальности, внешний облик дачи вождя активно не нравился. Построена она была в тридцать четвертом году М.И. Мержановым. Кстати говоря, в таком же ключе он воздвиг и остальные шестнадцать дач, на которых мог жить и отдыхать товарищ Сталин. Здания большинства этих «чуждых апартаментов» были похожи, как братья.

«Зеленое, шершавое, длинное, но не крокодил – что это?» – скаламбурил про себя Берия, «проплывая» в салоне машины мимо бьющего из каменной чаши фонтанчика.

Лаврентий Павлович курировал строительство таких «гнезд» в Абхазии и Грузии и достаточно ясно представлял, что и как здесь было устроено, потому что принципиально и функционально все эти жилища были сделаны по одному типу, хотя «сшиты» под человека так же, как шьется у портного хороший костюм.

Кроме собственно главного здания, в Кунцеве находился еще дом для obsługi, бомбоубежище, малый дом, бильярд-

ная, хозяйственный двор.

На даче имелся и огромный зал, стены и потолок которого были обшиты деревянными панелями из карельской березы. Парадный вид ему придавали массивные люстры на потолке, разноцветные ковры и длинный, накрытый белой скатертью стол в самом центре.

Тут вождь пировал с соратниками и устраивал домашние концерты.

В стороне от этого главного стола стоял тоже довольно внушительный круглый стол, на который обслуга приносила и выставляла разнообразные кушания. Гости сами подходили к нему, сами наливали себе суп, сами брали второе и закуски, в общем, угощались по принципу, который впоследствии назовут «шведский стол».

На главном столе всегда стояла выпивка, и выбор был весьма широк. Русская водка, армянский коньяк и, конечно, грузинские вина. Все наилучшего качества. Хозяин сам открывал свою бутылку и пил только из нее. Видимо, опасался отравления.

Сам он пил очень мало. А вот гостей заставлял напиваться, памятуя, видимо, нравы царских пиров Грозного и Петра. Особенно – Петра.

В каждом таком доме имелась бильярдная. Сталин любил эту игру, но из-за того, что левая рука у него была «испорчена», он не мог играть по-настоящему. Он бил только с одной правой, и чтобы это получалось эффективнее, вождю сдела-

ли специальный кий, для равновесия залитый изнутри свинцом. Но все равно Хозяин играл плохо и, когда проигрывал, злился. Гости об этом знали и старались поддаваться.

Кроме того, в каждом сталинском убежище-жилище имелись большие шахматы. (Математический ум Хозяина требовал тренировки и загрузки.)

В большом зале стоял и рояль. На нем играл ближайший друг и соратник Кобы Андрей Жданов. Под его аккомпанемент Сталин, Молотов и Ворошилов любили трио петь народные песни.

Вообще, вождь был очень музыкален, и, зная это, зарубежные лидеры частенько дарили ему радиолы и патефоны.

Вождь называл себя «русским грузином». У него хранилось большое собрание грампластинок с русскими народными песнями. Но кроме них, он любил и романсы, и новые песни советских композиторов, а также замечательные мелодии его родины – Кавказа. Любимые пластинки он помечал крестиками: чем больше на ней было крестиков, тем любимей. Откуда была эта страсть? Вестимо откуда. В духовном училище он и сам пел и руководил хором. И сейчас он следил за репертуаром Большого театра, лично решал, что будет исполняться на праздничных концертах в Кремле.

Рядом с большим гостиним залом находилась малая столовая, любимое место вождя. Тут можно было и поесть, и поработать. Стол там стоял поменьше – на восемь персон...

Но это была, так сказать, внешняя, парадная сторона жиз-

ни дома в Кунцеве.

Лаврентий Павлович очень много знал и о другой, скрытой, личной жизни Кобы – и по разговорам, и из источников.

Он действовал по поговорке «Назвался груздем – полезай в кузов». Хочешь получить карьеру – ищи возможности. И твердо помни: в доме повешенного не говорят о веревке, хотя держат в уме. Вот и он помнил, что сам Хозяин никогда не спал по ночам в одной и той же постели. Ему стелили несколько в разных местах дома, и никто точно не знал, на какой из них он изволит ночевать сегодня. Но даже если предполагали, где он лег, то не ведали, где встанет. Потому что ночью он мог переходить с одной кровати на другую.

У царей была роскошь. У вождя – комфорт. При строительстве этих дач учитывалась даже высота ступенек на лестницах – не более пятнадцати сантиметров, – чтобы отцу народов не тяжело было поднимать ноги.

Везде на дачах стояли пепельницы. Вождь курил трубку с папиросным табаком «Герцеговина Флор».

А еще в Кунцеве было множество книг. Их доставляли сюда из главной библиотеки страны. Хозяин читал сотни страниц в день.

Жилище многое может рассказать.

Лаврентий Павлович знал и то, что Коба любит поговорить с посетителями за отдельным столиком, на котором стоят три телефонных аппарата связи – внутренней, обычной и спецсвязи с гербом СССР. И еще Берия знал, что у кресла,

в котором сидит вождь, ножки длиннее. А у гостя – короче. Это было сделано специально, чтобы Хозяин всегда сидел выше гостя.

Знание привычек Хозяина – не блажь. Это вопрос выживания. Особенно с таким подозрительным человеком, как Иосиф Джугашвили. На дачах, где вождь отдыхал, обычно на полу не было ковров, а у всех охранников на сапогах были набиты металлические подковки. Догадаться зачем было несложно – Сталин должен был слышать, кто идет. И куда.

Вождь не любил раздеваться на людях и купался обычно один и в бассейнах, и в бане, потому что выглядел он далеко не как Аполлон. Сухорукий. Да еще два пальца на ноге сросшиеся. На всех замочных скважинах в дверях стояли специальные заглушки – вдруг кто-то захочет подглядеть?

Такой вот был человек. Полный страхов и подозрений по отношению ко всем и всему.

Все это надо было не только знать, но и учитывать, чтобы миновала подчиненного, как писал Грибоедов, «пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь».

Поэтому Берия не только старался изо всех сил угодить Хозяину – старались все, – он еще и изучал его. Его жизнь, судьбу, характер, окружающих людей, тех, кто так или иначе влиял на решения. А это могли быть самые разные, неожиданные люди.

Еще тогда, когда Сталин ездил в родные края на отдых, Лаврентий познакомился с его семьей – с женой, сыновьями,

любимой дочерью. (Ему удалось пристроить свою близкую родственницу воспитательницей к Светлане, и та периодически приносила ему новости о том, что вождь о ком сказал, на кого как посмотрел.)

Он понимал вождя, потому что хорошо представлял себе его жизнь. А жизнь свою Иосиф Джугашвили после смерти жены определил такими словами: «Моя жизнь – безжалостная, как зверь!»

Поэтому многое из того, что Лаврентий Павлович видел, не разглашалось, он хранил это «как могила». Личная жизнь правителя никогда не должна быть поводом для пересудов. Вон, Николай Второй позволил газетчикам, либералам и всякой придворной сволочи обсуждать отношения своей семьи с Распутиным и пропал. Чернь должна не рассуждать о высоком, а молча благоговейно взирать снизу. Иначе все будет идти по русской поговорке: «Посади свинью за стол – она и ноги на стол».

Мало ли что он, Лаврентий Павлович Берия, знал о Кобе и о тех страстях, которые кипели вокруг него. Как говорится, «знай край – да не падай». Тем более что каноническая биография и настоящая жизнь вождей – это две разные вещи. Взять хотя бы отношения Хозяина с женщинами. В каноне он почти святой. А в жизни...

Первая жена Кобы Като Сванидзе умерла. Вторая – тоже. Когда умерла первая, «святой» Иосиф бросился на похоронах в ее могилу с криком: «Похороните меня вместе с ней!»

А вторая? То ли застрелилась? То ли он ее сам убил? Многие болтали люди. Но он считал ее предательницей. А жизнь... ведь она была разная. Как говорится, «и на старуху бывает проруха».

Чего стоила одна история с Лидией Перепрыгиной, с которой Коба сошелся в ссылке. Ей, сироте, было четырнадцать лет. От него у нее родился сын Александр. Сосед, некто Петр Иванов, настучал на ссыльного жандармам. Жандармы потребовали от будущего вождя объяснений. Коба пообещал, что, как только девушка достигнет совершеннолетия, он на ней женится. Но обещать – не значит жениться.

Вообще, Кобу, судя по всему, тянуло к малолеткам. Первой жене, рано умершей от чахотки Като, было, кажется, семнадцать, когда он ее обрюхатил. А потом женился. От нее у него был старший сын Яков. Вторую он полюбил, когда ей было шестнадцать. Хотя... Была и другая женщина, на которой он в свое время хотел жениться, – Стефания Леандровна Петровская, дочь дворянина из Херсонской губернии. В 1910 году он познакомился с ней в ссылке. И даже подписывал свои статьи псевдонимом «К. Стефин». Сидя в тюрьме, он тогда подал прошение, чтобы ему разрешили вступить с этой Стефанией в брак. Ему разрешили. И отправили в новую ссылку. А она за ним уже не поехала. Не захотела разделить судьбу любимого. Не то что те жены декабристов. А потом исчезла с горизонта совсем... А жаль. Может, по-другому сложилась бы и судьба самого Джугашвили. Красивая

была женщина. Гордая. С такими ему было не по пути. Да и что он собой тогда представлял? Что он мог дать женщинам, состоявшимся с точки зрения обывателя? Кто он был? Бандит. Бродяга. Нищий. Отброс общества. Одно слово – революционер.

Все его прошлое было окутано тайной. Отец Сосо, Виссарион Иванович Джугашвили, был сапожником и пьяницей. Он умер от удара ножом в пьяной драке в кабаке в 1890 году. Но кое-какие записи самого Сталина говорили, что на самом деле папаша скончался 12 августа 1909 года.

Такими же загадками сопровождалось рождение вождя. Во всех своих анкетах начиная с двадцатых годов он писал, что родился 21 декабря 1879 года. Но сам Лаврентий Павлович видел выписку из метрической книги, в которой черным по белому было написано, что Иосиф родился 6 декабря 1878 года. Зачем надо было убавлять себе целый год? И путать не только год, но и день рождения?

Знающие люди объясняли, что, поменяв дату рождения, Хозяин пытался поменять и судьбу. Мол, восточные календари со знаками зодиака обещают совсем разную жизнь людям, родившимся в разные дни и годы. Может, это было связано с мистикой. В молодые годы Коба активно дружил с известным эзотериком Гурджиевым. Теперь, когда вся страна прочно стояла на фундаменте марксизма-ленинизма, за такие воспоминания могло не поздоровиться... Даже ему. Поэтому вопрос о происхождении и родословной Иосифа Вис-

сарионовича лучше было никому не задавать.

Тем более что болтали бог весть что. Якобы он побочный сын. Но чей? Кто говорил – купца, кто – начальника городской полиции... Кто – самого императора Александра III. Ходила версия, что Коба – сын знаменитого путешественника Пржевальского... Н-да! Вот бред-то!

Кто бы ни был его папашей – это было не важно. Коба делал себя сам.

На фотографии группы учащихся Горийского православного духовного училища Сосо Джугашвили стоит в самом центре. В верхнем ряду. Хотя по росту он самый маленький. Уже одно это характеризует его как личность. И в драках он был тоже самый ловкий, хотя у него после того, как он попал в двенадцать лет под фаэтон, развилась атрофия плечевого и локтевого суставов левой руки вследствие ушиба...

А какие стихи писал семинарист Иосиф Джугашвили! Такие, что их печатали и в газетах, и в литературном журнале. Мало того, в 1907 году одно из его стихотворений вошло в «Сборник лучших образцов грузинской словесности». А 1907-й – это вам не 1917-й и уж, конечно, не 1937-й. Тогда все было настоящим. И поэтическое признание тоже.

А дальше – тюрьмы, ссылки. И побег. В бакинской тюрьме его чуть не убил уголовник, знаменитый киллер Минади Кязым. Спас его соратник Расул-заде.

В эти годы бывший «благочестивый Иосиф» взял себе, если по-благородному, псевдоним, а если по-уголовному, то

«погоняло», кликуху. Назвал себя Кобой, именем благородного разбойника-мстителя из романа некоего Казбеги с символическим названием «Отцеубийца».

Тогда Джугашвили стал «боевиком партии». И был, что называется, «и чтец, и жнец, и на дуде игрец» — являлся пропагандистом, организатором забастовок, создателем типографий. Формировал боевые дружины, доставал деньги на партийные нужды, организовывал вооруженные грабежи (экспроприации).

Убивал ли он людей? Кто его знает! Но то, что он никогда не боялся крови, — факт. Эта история с тифлисским «эксом». Темная история. Вроде все организовал друг детства Джугашвили Тер-Петросян. Убили троих конвойных. Ранили более пятидесяти человек прямо в центре Тбилиси. Ограбили на двести пятьдесят тысяч рублей. И хотя не было найдено никаких документальных подтверждений, что Коба участвовал в этом деле, из партии его все-таки исключили. Местный комитет установил его причастность. Правда, ЦК, находившийся за границей, это решение не подтвердил. Что называется, замотал.

Тогда Сталину, который был профессиональным революционером и жил на содержании партии, пришлось туго. И все потому, что он проигнорировал решение Пятого съезда, запретившего грабить и убивать. Где об этом прочитаешь? Уже нигде!..

Да и сама история партии большевиков во многом была

искажена. Не поймешь, где правда, где полуправда, а где полная чушь. В сознании масс все отложилось так: Ленин создал партию, размежевался с меньшевиками и повел ее от победы к победе. Ему же, Лаврентию Берии, не понаслышке известна совсем другая версия появления РСДРП(б).

Пару лет тому назад он нащупал тонкое место в душевной организации вождя и воспользовался этим обстоятельством. Проблема была в неудовлетворенном тщеславии. Все эти старые, дореволюционные большевики чрезвычайно гордились своей биографией, своим вкладом в подготовку Октябрьского переворота. И считали, что Джугашвили – это малозначительная фигура на их фоне.

И тогда он, Лаврентий Берия, сделал, что называется, «ход конем», или, лучше сказать, «проход пешки в ферзи».

Он предложил свою трактовку истории большевистских организаций в Закавказье и выступил с нею на собрании Тбилисского партактива в июле 1935 года. Его концепция заключалась в том, что именно молодой двадцатилетний Сталин возглавлял всю грузинскую социал-демократию, руководил ее работой.

И он попал прямо в точку. Изданная им книга понравилась Сталину, имела ошеломляющий успех... Его идея о том, что в мире было два центра большевизма – эмигрантский, возглавляемый Лениным, и внутрироссийский, где главным был Сталин, – получила безоговорочное одобрение. И вошла в «Краткий курс истории ВКП(б)». Берия тут

же был признан видным специалистом по истории партии.

Естественно, никаким историком он не был. И доклад этот написали за него другие люди. Но по ходу этой работы они немало рассказали Лаврентию Павловичу о якобы подлинной истории возникновения РСДРП.

По их версии, никакой особой роли ни Ульянова, ни Плеханова в этом не было вовсе. Партию основали совсем другие люди. А если быть точным, то это Борис Львович Эйдельман, Натан Абрамович Видорчик, Абрам Яковлевич Мутник, Шмуел Шнеерович Кац, Павел Лукич Тучанский, Александр Алексеевич Банковский, Адам Казимирович Петрусевич, Аарон Иосифович Кремер. Причем трое из них, Мутник, Тучанский и Кремер, были членами Бунда, Еврейской национальной рабочей партии, куда принимали только своих. Бунд участвовал в организации РСДРП финансово. И вошел в ее состав в качестве коллективного члена. Выходило, что ни одного настоящего пролетария среди основателей ее не было.

Для чего бундовцы ее активно продвигали? Скорее всего, для того, чтобы расширить свою социальную базу. Чтобы можно было говорить массам – у нас не только еврейская основа. Ведь в 1905 году в Бунде было более 35 тысяч членов, а в РСДРП всего восемь.

Потом между членами – соучредителями партии началась борьба за власть. И бундовцы то входили, то выходили из РСДРП, но во всяком случае к семнадцатому году, к момен-

ту Октябрьского переворота, они составляли подавляющее большинство.

А Ленин? Ленину они активно не нравились. И он с ними то боролся, то сливался во взаимных объятиях. Ну а когда грянул судьбоносный семнадцатый год, то тут численный перевес и сказался. В Советском правительстве во главе с Ульяновым русских было всего двое. Во ВЦИК, исполкоме Советов, – шестеро. Из шестидесяти одного человека. В военном комиссариате (глава Троцкий – Лейба Давидович Бронштейн) – ни одного. В ВЧК (поляк Дзержинский) – двое.

Конечно, подлинная история такой партии тщательно скрывалась. Как скрывалось, на чьи деньги была сделана революция и как большевики щедро рассчитались со своими немецкими и американскими спонсорами. (Немцам они отдали территории и репарации. Американцам – золотой запас Российской империи.)

В таких размышлениях пребывал Лаврентий Павлович почти всю дорогу до дачи. «Хотя... – нарком оборвал свои несвоевременные мысли, – ни к чему это. Тем более что у старых коммунистов все шкафы, так сказать, «скелетами» забиты. Сейчас наступают новые времена. И старых большевиков истребляют, как вредных насекомых. Надо соответствовать новым веяниям...»

С такими благонамеренными мыслями он и шагнул за порог передней загородного дома вождя. Снял пальто, аккуратно повесил его на вешалку для гостей и прошел прямо в большой зал.

Здесь его встретил человек и, ни слова не говоря, провел в малую столовую, где Джугашвили любил работать.

Святой Иосиф, одетый в зеленый френч с отложным воротником и в брюки, заправленные в мягкие кавказские сапоги, был уже здесь. Весь такой домашний. Ну прямо уса́тый кот-мурлыка. Сама любезность. Встретил, поздоровался за руку.

Вот только глаза! Глаза были желтоватые, пронизывающие. Зрачки, как у тигра. Нет, скорее не как у тигра, а как у барса. И не котик это был вовсе, а затаившийся перед прыжком барс.

Он, Лаврентий Берия, в своих круглых очках, за которыми скрывались немигающие змеиные глаза, выглядел эдакой коброй.

– Ну что, Лаврентий? Сочинил записку? – прямо в лоб с некоторой долей издевки в голосе и легким кавказским акцентом спросил Джугашвили.

– Вот! – Лаврентий Павлович положил на стол коричневую папку. – Я хочу отметить, что это клевета...

– Ты не кипятись! Давай я почитаю!

И, взяв в руки красный карандаш, Иосиф Виссарионович начал штудировать скорбный совместный труд Меркулова и Берии, а Лаврентий Павлович в это время сидел как на иголках за другим концом стола и тоскливо смотрел в обитый карельской березой потолок.

Никто не мог бы угадать, о чем в этот момент думал «отец народов», какие мысли и эмоции скрывал этот покатый, закрытый густыми черными жесткими волосами лоб.

Хозяин оторвался от папки и сказал:

– Значит, говоришь, что ты не служил в мусаватистской контрразведке, а только работал по заданию партии в молодежной азербайджанской организации «Гуммет»?

– Да, так! Да!

– Поверим. Папочку-то я оставлю у себя. Пусть полежит. А ты мне вот что скажи, Лаврентий. По поводу «Интуриста». Ты предлагаешь «Интурист» передать из НКВД обратно в Наркомат внешней торговли. Тут ты хорошо мыслишь. Правильно! Ведь если наши противники узнают, что он числится за «внутренними делами», то начнут этот факт использовать. Травить в прессе.

Лаврентий Павлович понял, что гроза миновала. Сталин принял к сведению его объяснение и не хотел больше говорить об этом деле. Облегченно выдохнув, Берия стал добавлять от себя:

– Будут мешать работе. Называть их филиалами НКВД...

Затруднят работу...

Потом разговор зашел об обстановке в наркомате. О том, что погранохрану надо ставить по-новому. Что нужна оперативная связь. Люди нужны. Новые кадры. Вооружение...

И пошли вопросы. Вопросы. Детали...

Он уехал с Ближней дачи уже под вечер. И только тогда почувствовал, что напряжение окончательно рассеялось, когда за его машиной захлопнулись зеленые ворота.

«В этот раз пронесло. Но документы остались у него. Значит, в любое время он может достать их из архива и пустить в ход. Впрочем, на таком крючке нахожусь не я один. Наверняка на каждого у Кобы есть немалый компромат. Так людьми проще управлять. А в случае чего и избавляться от них.

Есть у меня еще одна загвоздка, связанная с этой книгой по истории партии. Соавторы мои разболтались о том, что это якобы не я ее написал. И надо с этим делом разобраться немедленно. А то ведь если дойдет до вождя, то он может принять какое-нибудь другое решение. С волками жить – по-волчьи выть!»

* * *

Машина въехала во внутренний двор здания на Лубянке. И, озабоченный новой проблемой, Лаврентий Павлович быстро поднялся к себе в кабинет. Зажег свет, сел в кресло, задумался на минуту. Поднял трубку.

Зашел Людвигов.

– Позови Кобулова! – резко скомандовал он.

Через минуту (как будто ждал) появился грузный Богдан Кобулов.

– Слушай! Надо срочно закрыть это дело!

– Какое?

– То, что касается болтовни, будто это не я написал книгу.

Кобулов схватил на лету:

– Разрешите доложить, как обстоят дела сейчас.

– Докладывай! – недовольно сказал Берия. И, откинувшись в кресле, приготовился слушать своего «вассала».

– Как вы знаете, Лаврентий Павлович, началось все с Факермарка. Он публиковался всегда под псевдонимом Сеф. Еще в тридцать пятом году, когда ваша книга получила всеобщую славу и стала основополагающей...

Берия недовольно поморщился, как бы давая понять Богдану, что не надо лить елей в уши, «переходи к делу».

– Семена стало заедать: мол, а где мои награды? Вот он и начал «звонить» об этом направо и налево. В результате нам поступил сигнал от инструктора ЦК ВКП(б) товарища Штернберг. Она написала заявление в Комитет партийного контроля о своих беседах с Сефом и его женою. И также продолжала бить во все колокола, когда приехала в Москву. В результате ее усилий в сентябре 1936 года партколлегия по Закавказью разобралась с болтунами. Их крепко вздули. Кажется бы, дело исчерпано. Но тут Эрик Бедия – директор

филиала института Маркса – Энгельса-Ленина в Тбилиси – завелся. Мол, не один Сеф писал, он тоже работал над этой книгой. Опять же в дело вступил и старый большевик Малания Торошидзе и начал требовать и для себя кусочек славы... Ну а дальше вы знаете. В то время открылся заговор, связанный с первым секретарем ЦК Грузии Мамией Орахелашвили. И все заговорщики, а в их числе оказались и эти «писатели-теоретики», были, как говорится, «обнулены».

– Это я знаю! – нетерпеливо заметил Берия. – Но Сеф!

– А с ним другая история. Его Ежов арестовал в апреле тридцать седьмого. Арестовал в Москве. И Сеф подтвердил свои слова о том, что это якобы он написал «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Да еще наплел про моего брата Степана. Что он, мол, контрреволюционер...

– Видно, Николай хотел меня подвести под монастырь с этим Сефом. Вот и арестовал и держал его здесь до конца... – произнес свои мысли вслух Лаврентий Павлович.

– Да, его расстреляли только в последнюю минуту. Двадцать девятого августа тридцать восьмого. Перед самым вашим приходом в наркомат...

– Говорят: есть человек – есть проблема. Нет человека – нет проблем... Но это не так. Остаются документы. Осталось дело Сефа. Ты, Богдан, затребуй его из архива. Срочно затребуй. Прямо сейчас. И принеси его ко мне. Прямо ко мне. Лично в руки. Никому не оставляй... Иди!

– Слушаюсь!

«Ах, Николай, Николай! Мастер интриги. А пролетел. Хотел меня застрелить. Даже план разработал. По пьянке и разболтал. Мол, вызовем Берию на конспиративную квартиру для встречи с важным агентом в его, Ежова, присутствии. И пусть под видом «врагов народа» налетят верные чекисты. Берию застрелят, а его легко ранят. Дурак. Договаривался с Дагиным и со своим заместителем Михаилом Фриновским устроить беспорядки во время демонстрации на Красной площади и под шумок убить всю верхушку – Джугашвили и Скрябина-Молотова. Не успел. Не успел. Получит свою пулю в лоб. Или в затылок. Это уж как придется. А мне теперь надо за ним «хвосты подчистить»!

И самое хреновое сейчас в этом деле, что на меня навешивают всех собак. Будто я и Ханджяна, первого секретаря компартии Армении, застрелил... Мерзавцы. Всех, кто вместе с ним, с Ежовым, собирал на меня компромат, надо арестовать. Всех к ногтю».

VI

*«Первому зам. наркома
внутренних дел Союза СССР
тов. Меркулову В.Н.
Служебная записка
об экспедиции в Лхасу (Тибет) 1925 года*

и об организации новой экспедиции в Тибет

В соответствии с личным распоряжением Пред. ОГПУ тов. Дзержинского, в сентябре 1925 года в Тибет в Лхасу была организована экспедиция в кол-ве 10 чел. под рук. Я. Блюмкина, работавшего в научной лаборатории ОГПУ в Краснове (под рук. Е. Гоппуса). Лаборатория входила в состав спец. отдела ОГПУ (Г. Бокия). Целью экспедиции являлось: уточнение географических маршрутов, поиск «города богов» с целью получения...»

Внимательно читавший представленную ему записку Деканозова Лаврентий Павлович еще раз споткнулся на словах «город богов» и подумал: «Надо будет уточнить, что это», вернулся к началу текста, карандашом подчеркнул, что экспедиция была направлена Дзержинским, а напротив «города богов» поставил вопрос.

Он, как и многие в то время, подражал Иосифу. И тоже делал пометки карандашом.

Затем он продолжил чтение записки начальника пятого отдела Главного управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел Союза Советских Социалистических Республик.

«...технологии ранее неизвестного оружия, а также рев. – агит. пропаганда, что, как следует из докладов Блюмкина, не нашло «соответствующей востребованности» сре-

ди властей Тибета.

Первоначально Блюмкин выступал под легендой монгольского ламы, а по прибытии в Леху (столица княжества Ладакх) был разоблачен. От ареста и депортации его спас мандат, выданный ему за подписью товарища Дзержинского с обращением к Далай-ламе, встречи с которым он ожидал в течение трех месяцев.

Из доклада Блюмкина следует, что в январе 1926 года во дворце в Лхасе его принял Далай-лама XIII, который воспринял послание тов. Дзержинского как добрый знак, и далее по приглашению правительства Тибета он, Блюмкин, становится важным гостем...»

Лаврентий Павлович опять остановился, поставил на полях докладной еще один жирный вопросительный знак и, кроме того, написал рядом: «А где этот доклад?» Задумался и обратился напрямик к скромно сидевшему с отсутствующим видом Меркулову:

– Меркулыч, а Деканозов хоть как-то проверял эти признания Блюмкина на предмет вменяемости?

– В том-то и дело, Лаврентий Павлович! В Германию Ягодой в середине тридцатых годов была направлена группа ученых во главе с академиком и руководителем спецлаборатории НКВД «Андроген» Савельевым. Там он встречался с известным немецким ученым Гансом Гюнтером. И тот ему рассказал, что немцы организовали несколько экспедиций в

Тибет. Так сказать, по следам Блюмкина. И эти экспедиции привезли массу материалов. Да, вот его докладная. Она подтверждает показания Якова.

Берия недоверчиво глянул на своего боевого заместителя, но ничего не сказал и быстро-быстро пробежал глазами по докладной ученого.

*«Первому заместителю народного
комиссара внутренних дел СССР
тов. Меркулову*

Докладываю по существу командировки в рейх.

*Немецкие специалисты продвинулись в области изучения
скрытых возможностей человеческого организма и психики,
а также в области так называемой «расовой гигиены, био-
логии и расовой инженерии»...»*

– Ну и немцы! Всерьез хотят вывести новую породу людей! – воскликнул, оторвавшись от бумаги, Берия. – Ну да! В своей работе «Майн кампф» Гитлер, проанализировав, со своей точки зрения, расовые проблемы в Европе, определил, какие народы относятся к арийским, условно говоря, чистым, а какие – нет. Немцев, северные народы Европы он, так сказать, отнес к высшей расе. Кого-то – французов, итальянцев – к слегка подпорченным. О евреях и говорить нечего...

– Ну а русские... – Меркулов не успел продолжить мысль.

– «Унтерменш»... «недочеловеки»! А ведь у нас с ними едва ли не дружба была. Это, конечно, вынужденная дружба. После Первой мировой мы с ними были вынуждены «дружить»... У нас, по-моему, даже есть какой-то договор между конторами?

– Да, есть. Называется «Генеральное соглашение о сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности между Главным управлением государственной безопасности НКВД СССР и Главным управлением безопасности Национал-социалистической рабочей партии Германии (гестапо)». Подписано в ноябре 1938 года. Пункт 1 параграфа 6 соглашения гласит: «Стороны будут способствовать расширению и углублению сотрудничества между нашими странами в области сокровенных тайн, теозологии, теософии, паранормальных и аномальных явлений, влияющих на социальные процессы и внутреннюю жизнь государств».

– Ну и память у тебя, Меркулыч! Тебе бы со сцены выступать, как этому... как его?

– Мессингу?

– Во-во! Чтение мыслей! Предсказания будущего! Кстати говоря, мы с немцами в этом похожи.

– В чем, Лаврентий Павлович?

– Ну, мы тоже куем нового советского человека. Человека коммунистического. И по-моему, у нас неплохо получается. С его воспитанием. Особенно в лагерях... – И Берия засмеялся.

Меркулов тоже несколько раз хмыкнул в унисон шефу, хотя, судя по всему, так и не понял до конца черный юмор наркома.

А тот уже снова, насадив пенсне на нос, слегка щурясь, читал докладную Савельева.

«Известный в этой области ученый рейха Вернер Гирше, с которым я имел несколько продолжительных бесед, представил меня германскому ученому, обретенному мировое имя, — Гансу Гюнтеру. Гюнтер сообщил мне, что самое пристальное внимание большинства «направлений» в исследовательской деятельности ведущих ученых рейха сегодня обращено в Тибет.

Немецким ученым и исследователям, со слов Гюнтера, удалось найти в Тибете ответы на вопросы большинства «направлений», связанных с происхождением «арийской расы», об истории мироздания, получить сведения, которые будут немедленно востребованы в промышленности рейха, в науке и самолетостроении.

Речь идет о неизвестной ранее технологии древних цивилизаций, с помощью которых, например, в 10 тысячелетии до нашей эры применение таких технологий в строительстве позволило разрезать твердые скальные породы и передвигать их на большие расстояния.

В настоящее время, со слов Гюнтера, в Тибете работает партия германских исследователей. Результаты рабо-

ты одной из групп, направленных в Тибет, позволили снарядить научную экспедицию немцев в Антарктиду в декабре 1936 года. Целью этой экспедиции является обнаружение немцами так называемого «города богов», скрытого под льдами Антарктиды в районе Земли Королевы Мод.

Гюнтер рассказал мне, что современная наука, в принципе, не имеет достаточных представлений об устройстве Земли...»

Лаврентий Павлович, особенно не заморачиваясь, пробежал страницы, касавшиеся теории полой Земли и того, как надо Германии совместно с СССР организовывать сообщение с Антарктидой. Это все были прожекты. А его интересовали крупницы конкретного знания о мощном оружии. Наконец в конце докладной он нашел то, что искал. Савельев сообщал, что под конец их длинной беседы Гюнтер рассказал ему, что в ближайшие годы в Германии может появиться оружие, «способное уничтожать города в считанные секунды», и что многие вводные данные на это «оружие богов» они получили из Тибета.

Это уже было кое-что. И Берия, покончив с докладной Савельева, снова обернулся к своему заму:

– Вызови-ка ты ко мне Деканозова на завтра. И пусть он подготовит все, что можно, по поводу этого оружия древних. Поставь ему задачу. И возвращайся.

Меркулов вышел. Было слышно, как он в приемной спро-

сил у Людвигова, где сейчас Деканозов.

Лаврентий Павлович тем временем, отложив в сторону савельевскую записку, снова вернулся к докладной начальника пятого отдела.

Дальше в ней речь шла о том, о чем он уже читал в протоколах допросов Блюмкина. Как он побывал в хранилищах, что там видел. Щипцы-ваджару, летающие диски и прочие чудеса древних. Он хотел было пропустить и части, касавшиеся предсказаний будущего, но не удержался и начал читать:

«Под землей монахи хранят секреты всех минувших цивилизаций, которые когда-либо существовали на Земле. По утверждению Блюмкина, их было пять, вместе с той цивилизацией, которая существует сейчас. Согласно тайному учению Ва-джу, неизбежно причиной гибели цивилизаций на Земле является вращение вокруг Солнца еще одной планеты в три раза больше, чем Земля, с большим внутренним запасом тепла и воды по эллипсообразной орбите с циклом вращения вокруг Солнца, равным 3600 годам. Эта планета вращается по часовой стрелке, в отличие от Земли и других планет, поэтому, когда она входит в плоскость вращения планет Солнечной системы, из-за мощного электромагнитного вихревого потока каждые 3600 лет на Земле случаются гигантские природные катаклизмы, в результате которых неоднократно происходила гибель человечества и животных. При этом каждый четвертый цикл вхождения

этой планеты в солнечную систему грозит неизбежным мировым потопом на Земле и гибелью цивилизации из-за характерной динамики вращения планет, которые естественно выстраиваются своими орбитами в определенной последовательности».

Берия усмехнулся и написал на полях записки карандашом: «Прямо как в Библии». И отчеркнул абзац двумя жирными чертами.

«Так, Земля в этом случае будет обращена к планете-пришельцу не с материковой стороны, а со стороны Тихого океана. Вода, находящаяся на Земле с противоположной стороны от материковой части, из-за сближения с планетой-пришельцем, которая проходит через пояс астероидов, из-за ее гигантских размеров и вращения, будет вытеснена на материки. Высота волны составит до 7 км со скоростью движения до 1000 км/ч. Последний (третий цикл) вращения планеты-пришельца вокруг Солнца был в 1596 году до н. э. Очередное вхождение планеты в Солнечную систему случится в 2009 году следующего столетия и, соответственно, в 2014 году (с учетом поправок за счет разницы между юлианским и григорианским календарями, а также календарем майя и тропическим годом), по утверждению тибетских монахов, произойдет пятый Армагеддон (конец света), гибель нынешней цивилизации и человечества.

По утверждению Блюмкина, по этой же причине все известные доисторические календари: шумерский, вавилонский, майя, отличающиеся особой точностью, оканчиваются примерно такой же датой.

Как следует из отчетов Блюмкина, у тибетских монахов существует определенная регламентированная процедура «священного отбора» избранной части человечества, которую тибетцы должны будут спасти в подземных городах Антарктиды и в Тибете, которые каким-то шлейфом под землей соединены между собой. В результате гибели каждой из цивилизаций ось Земли смещалась против часовой стрелки от остр. Пасхи (первый доисторический сев. полюс Земли во времена так наз. «протогирейской цивилизации») на 6666 км. В результате предстоящего Армагеддона следующим северным полюсом Земли станет Северная Америка.

Для совершения экспедиции Блюмкину были выделены 100 000 зол. рубл. Однако его маршрут был не продуман, использована легенда прикрытия, не соответствующая целям экспедиции, ставшая угрозой ее срыва из-за ареста и возможной депортации.

Как стоит полагать, основным аргументом при ведении переговоров с правительством Тибета является оружие и золото.

Указанная информация о Тибете, известная нам, стала достоянием германской и японской военных разведок в результате нескольких зарубежных поездок Блюмкина за кор-

дон весной и летом 1929 года, после которых Блюмкин пытался осуществить побег из СССР со своей сожительницей.

Информация, которую сообщил в своем рапорте тов. Савельев, возвратившийся из Германии, целиком и полностью совпадает с той, что сообщал Блюмкин в своих отчетах».

«Так, и что же нам предлагает Деканозов ввиду всего происшедшего? Новую экспедицию в Тибет?»

«При планировании новой экспедиции считаю целесообразным предложить придать ей официальный статус, а тов. Савельева снабдить соответствующими полномочиями и верительными грамотами и делегировать ему достаточные полномочия, чтобы он мог от лица Советского правительства обсуждать любые вопросы с властями Тибета, в том числе и вопросы военно-экономического характера».

«Согласен!» – поставил свою резолюцию на полях Берия. И подумал: «Молодец! Сразу берет быка за рога!»

Берия дочитал записку до конца и задумался: «Немцы-то какие молодцы. Сразу поняли, что за ценная информация к ним попала. Зацепились и начали мощно выгребать ее из Тибета. А наши дураки-то. Расстреляли Блюмкина. Боялись, что выплывут их шашни с Троцким. Это первое. А не подставили ли они и Блюмкина? Специально, чтобы устранить в его лице конкурентов из СССР? Спровоцировали дураков.

А что, вполне может существовать и такая версия. Но все-таки что же он такое им там передал, за что они заплатили бешеные деньги?»

* * *

На следующий день, как и было приказано, на доклад явились оба – Деканозов, носатый, крепко сбитый, с ходящими желваками и бычьей шеей, и подтянутый интеллигентный Меркулов. С ними зашли еще двое. Один – тихий очкастый человек, наголо обритый, с как бы застывшим лицом. Как представил его Меркулов, бывший буддистский монах, крупный знаток восточных текстов. Второй – носатый, с бегающими глазами. Научный эксперт. Заведующий какой-то лабораторией в одном из секретных НИИ, которые в немалых количествах плодились вокруг НКВД.

Состоялось небольшое странное совещание.

Первым выступил буддист, знаток древних манускриптов и индийских текстов, повествующих об окружении богов. Его выступление изобиловало разными специфическими словечками, и в основном он пересказывал присутствующим отрывки из древних текстов в современном переводе, сопровождая их мантрами.

Берии, судя по всему, этот «шут гороховый» активно не понравился, но он терпеливо слушал «шамана», стараясь в этом длинном словесном речитативе уловить то, зачем по-

звали этого странного человека. Из того, что тот поведал, запомнилось ему немного. В частности, воздушные суда, похожие на «лазоревые облака в форме яйца или особого светящегося шара», кои приводились в движение эфирной силой, ударявшей в землю при взлете или посредством вибрации, исходящей из неведомой силы». А также «они издавали нежные и мелодичные звуки», излучали «свечение, подобное огню», а их траектория была не прямой, но казалась как бы «длинной волнистой линией», приближающей или удаляющей их от Земли».

Присутствующие было совсем заскучали, когда адепт расписывал качества летательных аппаратов – виман, но слегка оживились, когда бритый перешел к описанию последствий воздействия оружия массового поражения из трактата «Маусалапарва»:

«Это неизвестное оружие, железная молния, гигантский посланец смерти, превратило в пепел все племя вришниеи и алдхаков. Обугленные трупы даже невозможно было опознать. Волосы и ногти выпадали, горшки разбивались без видимой причины, птицы становились белыми. Через несколько часов вся пища становилась ядовитой...»

И далее: «Пукара, летая на борту виманы высокой мощности, бросил на тройной город только один снаряд, заряженный силой Вселенной... Раскаленный добела храм, похожий на десять тысяч солнц, поднялся в его сиянии!

...Когда вимана приземлилась, она оказалась сверкающей

глыбой сурьмы, опустившейся на землю».

Дослушав выступающего, Лаврентий Павлович не стал даже задавать вопросы. Для него и так было ясно, что в древних текстах речь идет об оружии, которое воссоздать сегодня не представляется возможным. Слишком все это было общо и туманно.

Поэтому он, не тратя времени зря, предложил заслушать следующего докладчика, представителя спецотдела НКВД. (Отдел этот представлял собой на самом деле крупный научно-исследовательский центр с собственными лабораториями и производственной базой.)

Носатый ученый был менее красноречив, но более определен. Он рассказал о том, что во Франции физиком Жюлио-Кюри, а также в Германии учеными Ганом и Штрассманом были сделаны интереснейшие открытия в области деления урана. Оказалось: уран расщепляется. И при этом, несомненно, выделяется энергия. Большая энергия. По этому поводу весь ученый мир сильно возбудился, стало ясно, что цепная реакция возможна... Но, судя по всему, добиться этого на практике удастся только в самом отдаленном будущем... Хотя есть и у нас сотрудники, которые считают, что урановую проблему можно решить в практическом плане.

И далее он сообщил, что в Харькове, в Украинском физико-техническом институте, двое ученых с фамилиями Маслов и Шпинель работают по этой проблеме. И даже готовят заявку на изобретение.

И профессор зачитал отрывок из этой заявки:

– «...Проблема создания взрыва в уране сводится к созданию за короткий промежуток времени массы урана в количестве, значительно большем критического. Осуществить это мы предлагаем путем заполнения ураном сосуда, разделенного непроницаемыми для нейтронов перегородками таким образом, что в каждом отдельном изолированном объеме-секции сможет поместиться количество урана меньше критического. После заполнения такого сосуда стенки при помощи взрыва удаляются, и вследствие этого в наличии оказывается масса урана значительно больше критической. Это приведет к мгновенному возникновению уранового взрыва...»

Берия откликнулся сразу:

– Ну, что-то в этом есть. Все может быть. Но ясности для меня пока никакой нет. А что скажет разведка? Особенно на германском направлении. Ведь какое-то шевеление должно быть. Получив, судя по всему, серьезные материалы, а два с половиной миллиона долларов просто так не дают, немцы должны что-то по ним делать? Деканозов, у тебя есть что сказать?

В ответ начальник Пятого управления развел руками:

– Работаем, товарищ нарком! Собираем сведения. Разослал задания...

В разговор вступил Меркулов:

– Заместитель начальника отделения научно-технической

разведки Квасников до тридцать восьмого года у нас занимался наукой, готовился защищать кандидатскую. Так вот он заметил, что почти исчезли публикации по проблемам урана.

– Это тот, с нового партийного набора? – спросил Берия.

– Да, да! Новые ребята, молодые, – ответил Деканозов. – Хорошо себя проявляют...

– Говоришь, закрывать тему стали? Но все это, как говорится, к делу не подошьешь! Я давал задание разыскать всех, кто так или иначе был связан с делом Блюмкина. Почему не докладываете? – В голосе наркома появились угрожающие нотки.

– Лаврентий Павлович! Меры приняли. Ищем. Но, к сожалению, почти никого не осталось.

– Совсем?

– Трилиссера нашли. Но он того... Почти невменяемый.

– Это как?

– После физического воздействия на допросах начал заговариваться.

– И где он?

– Доставили из лагеря. Сейчас находится здесь, на Лубянке. Во внутренней тюрьме.

– Я хочу с ним поговорить!

– Да он... того...

– Ты, Меркулыч, не юли... Совсем плох, что ли?

Меркулов поджал губы и махнул головой, подтверждая слова народного комиссара.

– Давай так, – подытожил Берия, – готовьте приказ на экспедицию в Тибет. Во главе с академиком Савельевым. И надо найти связь с Тибетом. Кого-то, кто вхож к этим ламам. Чтобы не получилось, как с экспедицией Рериха, которую не пустили. Проводник нужен. Ищите – должен быть. – И обратился к собравшимся: – Совещание закончено!

Народ быстро покинул помещение.

Оставшись вдвоем с Меркуловым, Берия задумчиво сказал:

– Пойду схожу к Трилиссеру. Мало ли что говорят эти костоломы! Невменяемый, заговаривается... Я сам проверю, так ли это.

VII

Как и каждая уважающая себя силовая структура, НКВД, преемник ВЧК и ОГПУ, еще со времен Октябрьского переворота имела свою, так сказать, «домовую тюрьму».

Естественно, она находилась на Лубянке, так что наркому внутренних дел, комиссару госбезопасности первого ранга товарищу Берии никуда не пришлось выезжать. Достаточно было пройти по коридорам, спуститься на несколько пролетов по лестницам, и вот он уже в другом мире – мире, где не было просторных, обшитых карельской березой кабинетов, комнат отдыха со всеми удобствами и прочих атрибутов гигантской, ничем не ограниченной, кроме воли Иосифа, вла-

сти.

Нарком прошел к воротам внутренней тюрьмы в сопровождении ее начальника и остановился перед тяжелой железной дверью. Бравый начальник нажал кнопку звонка. Изнутри затопали шаги часового. Приоткрылся глазок на двери. Кто-то звякнул засовом, и «сезам открылся».

Нарком шагнул. Часовой, застывший у распахнутой двери, подобострастно затаив дыхание, козырнул.

Лаврентий Павлович небрежно ответил и, переступив через порог, остановился в нерешительности.

– Давайте я провожу вас в один из кабинетов следователя! – проговорил безликий, как окружавшие их стены, начальник тюрьмы.

Типичный кабинет следователя был крошечной комнатой с серыми стенами и зарешеченным окном. На одной из стен висел портрет усатого вождя, как бы внимательно следившего за всем происходящим. В кабинете стоял однотумбовый стол, на нем – тусклая настольная лампа со стеклянным абажуром. Черный телефон. Чернильница. И неизменная пепельница. У стола со стороны допрашивающего был стул со спинкой. Напротив – колченогий табурет. Для обвиняемого. У стены имелась тумбочка, а на ней непременно атрибут любого следователя – пишущая машинка «ундервуд». В углу помещался еще то ли сейф, то ли шкаф, в котором хранились дела. На шкафу стояли графин с водой и стакан.

Увидев графин, Берия подумал: «Упрятал подальше, что-

бы подследственный не схватил и не дал по башке... Или сам следователь в пылу допроса не воспользовался этим графическим. И не убил...»

За годы работы в ЧК Лаврентий Павлович побывал во многих таких кабинетиках, где «кололи врагов народа». На мгновение и перед его глазами встали давние картины происходившего в его собственном кабинете. Еще там, в Закавказье.

Вспомнилась история с братом Орджоникидзе. Серго тогда был в большом фаворе у Джугашвили. Нарком тяжелой промышленности, старый большевик, личный друг Кобы. Вот его брат и позволял по отношению к нему, Берию, много лишнего. Ругал его постоянно, проклинал.

Однажды, когда Берия уже был знаменитым чекистом и они жили рядом, их отношения окончательно испортились. На вечеринке, где было много гостей, Лаврентий Павлович увлекся одной очень красивой и интересной дамой. Да так увлекся, что стал ее «лапать». Папулия, старший брат Серго, заметил это. Вызвал его в коридор, обругал и дал пощечину.

Такой он был бесстрашный, этот Папулия, пока брат его был в силе. Потом была стычка в бильярдной на первом этаже их дома. Лаврентий хотел помириться, но Папулия назвал его проходимцем и ударил его кием. Да так, что кий переломился.

Берия вынашивал идею мести этому лысому жирному борову много лет. Сначала он его арестовал, это был удар и по

младшему Орджоникидзе. А потом, когда Серго после того, как Коба его разнес, застрелился, снова наступил час брата.

В августе тридцать седьмого Берия приказал привезти Папулию из места ссылки в Верхнеуральске в Тбилиси. Его били так, что он выл, как собака. Несколько дней били. Он подписал все. И что был членом контрреволюционной организации и что хотел убить Берия. Все подписал.

Англичане говорят: «Мсть – это такое блюдо, которое надо подавать холодным». О, как они ошибаются! Его мсть – это наслаждение. Острое, как красный перец, который нарком ест во время обеда. И он, Лаврентий, наконец-то наслаждался мстью. У него в столе лежала резиновая палка. И она была в тот день вся мокрая от крови...

Десятого ноября старший брат Серго Орджоникидзе был расстрелян. А затем «под корень» выкосили всю его семью. Сначала жену Папулии Нину «тройка» приговорила к десяти годам лагерей. Но он добился пересмотра дела – чтобы ее расстреляли. Жену самого Серго – Зинаиду Гавриловну Павлуцкую – приговорили к десяти годам заточения. Тогда же казнили другого брата Орджоникидзе – Ивана. А заодно и его жену Антонину. Остался, правда, в живых третий брат – Константин. И племянник Орджоникидзе Гвахария. Но их время еще придет. Он умеет ждать. И доберется до каждого, кто вставал на его пути к власти. Или хотя бы чем-то оскорбил его... Достанет он всех, даже соседей из деревни, где они жили... Всех.

Коба говорит, усмехаясь: «Сын за отца не отвечает». Лукавый грузин. Еще как отвечают. Оставь в живых кого-нибудь, а потом всю жизнь бойся, что где-нибудь тебя подстерегут из-за угла.

Разделался он и с Нестором Лакобой. Тоже друг вождя... И его друг. Дачи строил, гад, вождю в Абхазии. Подмазывался. И «Холодную речку», и «Рицу», и «Мюссер», и Афонскую дачу... Лучшие места! Сначала Лакобу похоронили по первому разряду, с военными почестями, а через месяц объявили врагом народа. Выкопали и останки вывезли. Могилу пышную снесли. Закопали как преступника в безымянной под номером 3672.

Запомнят все эти горе-друзья его гнев. Его месть.

В этом убедился и подлец Мамия Орахелашвили. Он отдал его тогда в руки своего лучшего следователя Никиты Кримяна. И Кримян показал этому бывшему главному первому секретарю его место в жизни. У параша. Он бил его ременной плетью, бил смертным боем так, что у того все тело было черным от синяков. Мало того что он пытал его во время допросов. Следователь посадил его в камеру, где находился сумасшедший. И тот систематически истязал Орахелашвили. Царапал его, кусал, терзал – да так, что Мамия подолгу скрывался, прятался от него под кроватью. А потом снова на допросы. А там следователь так крепко с ним работал, что тот без конца падал в обморок. Приходилось впрыскивать ему камфару, чтобы не подох.

Но и он заговорил как миленький. Этот скрытый контр-революционер. В конце, когда уже все почти закончилось, к нему вызвали жену. И в ее присутствии, заставив ее смотреть, выдавили ему глаза и порвали барабанные перепонки. И все равно гад перед казнью, перед расстрелом, кричал: «Да здравствует советская власть!» Было это в декабре 1937 года.

Жена Орахелашвили – эта красавица, фурия, что злобно ругала его, – жаловалась на него вождю... У, сучка! Крепкая была, не то что ее муж. Ей пришлось и руки вывернуть, и ребра переломать, и вообще изуродовать до неузнаваемости, пока она не подписала все, что нужно. Все о заговоре, который они готовили... И их клан он тоже истребил. Дочке дал пятнадцать лет лагерей. Зятя отправил на тот свет в том же тридцать седьмом...

Пришлось почистить республику от этого дерьма. Но сейчас уже другое время. Даже постановление приняли – не пытаться. Он, Берия, сам его и готовил. А потом оказалось, что без физического воздействия ничего не добьешься. Враги опять запираются. Пришлось снова говорить с Кобой. Тот снова подтвердил: пытаться можно. Но только явных врагов, чтобы без перегибов... Ненависть его, Лаврентия, подпитывало простое классовое чувство. Как он ненавидел их всех, этих бывших, этих вшивых интеллигентов, что кичились своим происхождением, своими революционными заслугами. Наверное, так плебеи ненавидели римских аристократов, так ненавидел Хам своих братьев Сима и Иафета, так

ненавидел библейский Каин Авеля... И выход из этой ненависти один – смерть...

Наверное, Коба тоже ненавидит их. Сын сапожника, учившийся на «медные деньги», добытые матерью поденщицей, как должен относиться ко всем этим Бронштейнам, Трилиссерам, Гамарникам, Тухачевским с их знанием иностранных языков, их манерами, родственниками за границей?

Когда-то Ульянов, сын штатского генерала, собрал, сбил их в стаю, чтобы захватить власть, вырвать из рук родовой аристократии. Профессиональные революционеры, они наконец «дорвались». И тут же забыли все свои лозунги о братстве, кинулись занимать освободившиеся дворцы, особняки, загородные дачи.

Но сына генерала заменил сын пьяницы-сапожника. А за ним шла другая дружина, которой было глубоко начхать на марксизм-ленинизм и прочий бред, с помощью которого шли «грабить награбленное» профессиональные свергатели власти, «гусары революции». Их время прошло. Наступило время таких, как он, Лаврентий Берия, – грозный народный комиссар внутренних дел. И его не обмануть сладкоголосым ленинским сиренам. Он знает, что почем. И знает, кто в доме «хозяин». И кому надо служить со всем пылом и жаром... Уже складывается «новая команда», которая и будет властвовать. И имя ей «номенклатура»...

«Так... ну где же этот Трилиссер? Что-то долго они его ведут!» – Лаврентий Павлович вернулся мыслями из прошлого.

го в настоящее.

И тут загремели отворяемые засовы. Лаврентий Павлович чуть не ахнул, когда в кабинет завели человека.

Он как-то видел Меера Абрамовича Трилиссера, когда сам работал в Закавказском ЧК. Тогда это был еще не старый интеллигентный мужчина с густой шевелюрой, аккуратным пробором над высоким лбом, в модных очках и с ровно подстриженной щеточкой усов под носом. Был он крепкого телосложения, которое не скрывали, а, наоборот, подчеркивали отлично сшитый светло-серый костюм и ослепительно-белая рубашка. А еще запомнился (редкое в те времена дело) хороший иностранный галстук с золотым зажимом.

Сейчас перед Берией появился согбенный глубокий старик – небритый, запаршивевший, с испуганным затравленным взглядом.

«А он ли это на самом деле?» – подумал Лаврентий Павлович.

Но когда равнодушный вертухай, стоявший за спиной у Трилиссера, коротко доложил, что заключенный доставлен, Лаврентий Павлович узнал его и подумал: «Да, укатали сивку крутые горки!»

– Садитесь, Меер Абрамович! – начал разговор Берия. – В ногах правды нет. А где правда? Мы-то знаем. Или узнаем! – скаламбурил он.

И молча наблюдал, как Трилиссер, озираясь по сторонам, на дрожащих ногах прошел в середину кабинета и устроился

на табурете перед ним.

– Не ожидали, что снова понадобится? – спросил Берия. – Да, вот понадобились по старым делам.

По тому, как дрогнула щека у заключенного, Берия понял, что Трилиссер до смерти напуган. Скорее всего, он рассчитывал, что все беды закончились и теперь его оставят в покое – гнить в тюрьме или лагере. А тут – вытянули снова на Лубянку.

«Что ж, воспользуемся, ошелошим», – подумал нарком.

– Я – Берия Лаврентий Павлович, народный комиссар внутренних дел СССР. Меня интересует история, связанная с Яковом Гершевичем Блюмкиным, поэтому я попрошу вас сосредоточиться и рассказать мне все как было. Все, что вы помните...

Поняв, чем интересуется Берия, старик тяжело вздохнул и заговорил, шамкая ртом, судя по всему, с выбитыми во время допросов зубами.

Он подробно и толково, чуть покачиваясь на табурете взад и вперед, рассказал Лаврентию Павловичу уже известные факты по делу Якова. Закончил на приговоре.

– Коллегия ОГПУ приговорила его к высшей мере. Приговор привели в исполнение немедленно...

– То-то и оно, что немедленно. Поторопились вы, господа хорошие. А ведь Блюмкин мог пригодиться в игре с немецкой и японской разведками. А главное, он не все раскрыл о своих приключениях в Тибете, и теперь нам приходится

разгребать ваши помойки. Ну, теперь прошлого не вернуть. Надо думать о будущем. Как вы считаете, мог ли Блюмкин передать документы об «оружии богов» не только немецкой разведке, но и Троцкому?

– Запросто! Это был такой человек, который мог сотворить что угодно, – дернув головой, как лошадь, делающая усилие, пробормотал Трилиссер.

– А может быть так, что Троцкий, учитывая его связи с американскими банкирами, продал или передал эти документы в США?

– Вполне! – коротко ответил Меер Абрамович.

– Хорошо! Ответьте мне еще на один вопрос. – Берия впился своим острым магнетическим взглядом в лицо старика. – Кто из оставшихся участников этой истории мог бы помочь нам наладить отношения с правительством Тибета? Скажем так, кто, кроме Блюмкина, знал все ходы и выходы к тибетским властям? Кому они могут довериться? Вы не торопитесь, подумайте хорошенько.

В кабинете воцарилась тишина. Продолжалась она достаточно долго. И Берия уже думал, что заключенный, судя по его отрешенному виду, впал в какую-то прострацию. Но наконец Трилиссер открыл глаза и произнес:

– Есть такой человек! Это Агван Доржиев. Лама. Настоятель Санкт-Петербургского дацана. Он еще с царских времен участвовал во всех сношениях с Тибетом. У него консультировался и Блюмкин, когда Дзержинский отправлял его ту-

да... Только где он теперь?

– Все! Спасибо. Вы нам очень помогли! – вежливо перебил его Берия, почувствовав, что в ходе допроса в Трилиссере проснулась какая-то надежда. И, не желая давать ей разгореться, а также брать на себя какие-то несбыточные обещания, Берия прервал разговор, кликнул часового, и тот в мгновение ока вырос у двери.

– Уведите! – торопливо-повелительно произнес Лаврентий Павлович, увидев по затравленным глазам Трилиссера, что тот сейчас будет его о чем-то просить. И действительно, уже поднимаясь с табурета, Меер пробормотал:

– Скажите им, пусть они хотя бы не бьют меня...

Берия махнул рукой, показывая жестом: на выход!

Оставшись один, он посидел с минуту, стараясь осмыслить все произошедшее. И наконец, вспомнив Кобу, который в таких случаях говорил: «Лес рубят, щепки летят!», повторил про себя эту поговорку. И добавил еще одну: «Плетью обуха не перешибешь!», таким образом как бы определив дальнейшую судьбу Меера Абрамовича.

VIII

Ситуация, похоже, оказалась нешуточной. После всего, что они узнали в ходе расследования дела Блюмкина, тибетский вопрос встал на повестку дня с новой силой.

Не таким человеком был Лаврентий Берия, чтобы дол-

го рассусоливать. И вот уже застучали пишущие машинки. Зашевелились, забегали люди. На стол к нему легло вполне конкретное, почти проработанное предложение – отправить в Тибет на поиски «оружия богов» новую экспедицию во главе с академиком, главой лаборатории «Андроген» Савельевым.

«При планировании новой экспедиции предлагаю придать ей официальный статус, а Савельева снабдить соответствующими полномочиями, верительными грамотами и делегировать ему достаточные полномочия, чтобы он мог от лица Советского правительства обсуждать любые вопросы с властями Тибета, в том числе и вопросы военно-экономического характера.

В качестве маршрута предлагал бы избрать путь самолетом Москва – Ташкент – Сталинабад. Далее машинами до государственной границы СССР в районе пер. Кашии (Китай, что составляет протяженность трассы примерно 760 км); а далее автодорогами и, возможно, объездными путями, которыми соединены населенные пункты вдоль Гималаев до Лхасы, с информированием властей Великобритании, Китая, о продвижении исследовательской партии в Тибет. При этом необходимо Ваше указание о выдаче следующего транспорта: 3 грузовых авто ГАЗ-АА, 3 автомобиля пикап ГАЗ-4 и 3 санитарных автобуса.

По численности экспедиции полагал бы остановиться на

следующем составе:

Руководитель эксперт – 1.

Врач – 1.

Зоолог – 1.

Ветеринарный врач – 1.

Фотограф – 1.

Кинооператор – 1.

Носильщики – 3.

Переводчик/проводник – 2.

Водители (сотрудники) – 18, они же специалисты по лошадям, владеющие китайскими единоборствами.

Всего 29 человек.

Финансовая часть. В качестве самой приемлемой валюты для разных расчетов, с учетом специфики местности, предлагая изыскать золотые царские рубли в сумме 1000 золотых монет.

В качестве подарка от Советского правительства полагал бы подарить регенту Тибета золотую статую молящегося Будды, весом примерно 5 кг чистого золота, которая хранится на реквизиционном складе НКВД (инв. № 72989). Указанная статуя была изъята в 1928 году в Бурятии в ходе реквизиции церковных ценностей и религиозно-культурных предметов.

Начальник 5 отдела

ГУГБ НКВД СССР

Деканозов».

– И что ты предлагаешь? – обратился нарком к Меркулову, который как раз и занес ему докладную Деканозова «по инстанции».

– Надо издать приказ, – ответил тот. – А уже в соответствии с ним я продолжу работу по этой теме.

– И где он? – только спросил Берия, прекрасно зная, что Меркулыч не из тех людей, которые будут тянуть и мямлить. Так оно и вышло. Комиссар государственной безопасности третьего ранга положил перед наркомом не только соответствующий приказ об организации, но и уже готовые к этому приказу дополнительные распоряжения.

Берия вздохнул, прочитал только название приказа: «Об экспедиции в Тибет» от 11.01.1939 года за № 17/1» и подписал, не читая.

– Что еще?

– Завизировать мои дополнительные распоряжения к этому приказу.

– Ну, давай!

Меркулов достал дополнения.

– Это по материальной части. А второй – это список участников экспедиции. Будете смотреть?

– Буду! – почему-то разозлился нарком. – Давай сюда! – взял и принялся читать, медленноводя глазами по тексту.

«В соответствии с распоряжением тов. наркома внут-

ренных дел СССР:

№ 1. Начальнику административно-хозяйственного управления НКВД (тов. Сумбатов) в срок до «...» января 1939 года передать из гаража НКВД в распоряжение тов. Савельева следующий автотранспорт:

3 ед. а/м ГАЗ-АА

3 ед. а/м пикап ГАЗ-4

3 ед. санавтобусов

№ 2. Начальнику рексклада НКВД (тов. Ботт) в срок до «...» января 1939 года передать тов. Савельеву золотую статую молящегося Будды (с инв. № 72989)

№ 3. Начальнику центрального фин. – планового отдела НКВД (тов. Брензон) в срок до «...» января 1939 года выделить тов. Савельеву сумму в размере 10 000 (десять тыс. рублей) для закупки необходимого инвентаря и обмундирования.

Комиссар государственной безопасности 3 ранга.

/Меркулов/».

Берия поставил закорючку в углу и перешел к списку членов экспедиции в Тибет.

«Список членов экспедиции в Тибет осн. пр. НКВД № 17/1 от 11/01.1939 г.

1. Савельев Сергей Анатольевич – нач. экспедиции

2. Турский Енох Моисеевич

3. *Стеблов Виктор Кузьмич*

4. *Тараканов Дмитрий Дмитриевич...»*

Уже на пятой фамилии раздражение наркома наконец вылилось в действие. Он принялся черкать список, выбрасывая не понравившихся ему участников. Потом вообще перчеркнул его и наконец заявил раздраженно:

– А где этот лама, которого я приказал найти? – помолчал минуту и добавил, матюкнувшись: – Надо будет идти к Молотову и Калинин, чтобы от них заготовили письма к да-лай-ламе. Официальные письма. Впрочем, они будут юлить и тянуть. Ты, Меркулыч, сразу подготовь текст. А я уж заставлю их подписать прямо с ходу. И неожиданно проговорил: – Так где лама? Что это за лама? Почему его нет в списке?

– Ищем, Лаврентий Павлович.

– Шевелитесь быстрее! Время не ждет!

IX

Большинство так называемых простых советских людей все годы советской власти никогда даже не представляли себе, кто на самом деле управлял Страной Советов. Если бы их спросили об этом, то некоторые сказали бы, что СССР возглавляется Коммунистической партией. А другие, в простоте душевной, сообщили бы вам, что главными в стране являют-

ся советы разных уровней. И конечно, сильно бы ошиблись, потому что назвали бы только надстройку управляющей силы, которая к концу тридцатых годов уже вполне сформировалась. Эта сила носила древнее, но одновременно новое имя – «номенклатура».

Термин этот появился еще во времена Римской империи и происходил от латинского слова «nomenklatura» – список имен. В Союзе этим термином обозначался список должностей, назначение на которые утверждалось вышестоящими органами.

История появления и становления советской номенклатуры неразрывно связана с историей партии, которая взяла в свои руки власть в октябре семнадцатого года, как говорил Ленин, «всерьез и надолго».

Создавая партию профессиональных революционеров, Ульянов-Ленин подразумевал, что каждодневной и основной работой её актива является подготовка переворотов, революций, мятежей. Эти люди не должны работать на производстве, заниматься государственной деятельностью, служить в армии, чтобы зарабатывать на жизнь и семью. Они должны существовать от так называемых «экспроприаций», то есть грабежей во имя революции, пожертвований крупных промышленников и капиталистов, сочувствующих им, а также на деньги иностранных государств, продвигавших свои интересы на территории царской России.

Кроме профессиональных революционеров, существова-

ли, конечно, и рядовые члены партии – люди, которые работают и ведут обычную жизнь, выполняя партийные задания. Именно профессиональные революционеры после семнадцатого года и стали основой нового класса – номенклатуры. Захватив власть в стране, они уже хотели пользоваться ею бесконтрольно и безраздельно, не допуская к «кормушке» никого из «чужих». В двадцатых главным среди них стал Иосиф Джугашвили. Он начал процесс формирования из «эмбриона» полноценного «ребенка» – высшую номенклатуру.

Малочисленная партия профессиональных революционеров не могла управлять огромной страной. Нужна была система подбора и расстановки кадров, а также контроль за этой расстановкой. И мудрый Иосиф создал такую систему в виде перечня руководящих должностей, назначение на которые производил не начальник данного ведомства, а вышестоящий орган. Главным критерием при подборе кадров на высокие должности стала политическая лояльность новой власти, а также готовность и умение работников «осуществить директивы». Нужны были люди, как говорил Хозяин, «могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить в жизнь. В противном случае политика теряет смысл, превращается в махание руками». Руководили расстановкой кадров учетно-распределительные отделы. Самый главный из них, Учраспред ЦК, расставлял людей на высшие должности в государствен-

ных, хозяйственных органах, в промышленности, кооперации, торговле, на транспорте, в связи, административно-советских наркоматах и так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.